

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a woman with long dark hair in a dark coat leaning over a woman with long blonde hair in a white dress who is lying on the ground. A large full moon is visible in the upper left, with leaves falling around it. The scene is set in a dark, wooded area.

ТУМАННАЯ АЛЬБИЯ

ЯНА ЧЕРНЕНЬКАЯ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ДЖЕЙН
• ВРАГИ •

Яна Черненькая
Тайная жизнь Джейн. Враги
Серия «Магия викторианского
детектива. Туманная Альбия»
Серия «Туманная Альбия», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69628288

Тайная жизнь Джейн. Враги: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-158072-8

Аннотация

Богатство и титул могут сделать врагами кого угодно, однако отчего Джеймс Кавендиш, унаследовавший состояние отца, так люто ненавидит Ричарда, своего дальнего родственника? Дик никогда не пытался перейти ему дорогу и ни на что не претендовал. Высокородный граф и скромный помощник судьи – что делить этим людям? Но тут оказывается убита сестра Ричарда, а в ее сумочке находят письмо Джеймса, назначившего девушке встречу. Безутешный брат немедленно обвиняет в этом своего давнего врага, однако в деле появляются новые факты, а в игру вступает таинственная дама под вуалью, называющая себя Джейн... Загадок всё больше, но найдутся ли на них ответы?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	57
Глава 6	75
Глава 7	96
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Яна Черненко́я

Тайная жизнь

Джейн. Враги

© Черненко́я Я., 2023

© ООО «Издательство «АСТ», 2023

* * *

Пролог

Парк вокруг замка Райли поражал своим размахом и великолепием. Подстриженные кусты образовывали целый лабиринт, в который были искусно вписаны уютные беседки, лавочки, фонтаны и скульптуры. Тенистые аллеи, разбегаясь в разные стороны, могли вывести к длинному каскаду прудов с водопадами или к лесному озеру, к пещере, вырубленной в одинокой скале, или к ажурной белоснежной беседке на лужайке с цветами.

Днем парк казался поистине райскими кущами, а вот ночью, увы, в последние годы приобретал слегка устрашающий вид. Хозяин этих земель, граф Сеймурский, был поклонником новейших изобретений и владельцем Общества артефакторов, потому старинные кованые фонари вдоль многочисленных тропинок венчали не устаревшие газовые светильники, а крупные светочи последней модели. Кристаллы, заключенные в хрустальные сферы, в темное время обрели невероятное сходство со светящимися глазами диких животных, наводя трепет даже на слуг, привычных к этому зрелищу.

Но так было только ночью. Ясным же днем графский парк наполнился жизнерадостным гомоном птиц и шелестом листвы, а в самом его сердце на огромной лужайке вздымал тяжелые узловатые ветви трехсотлетний раскидистый дуб, в кро-

не которого скрывался маленький домик...

– Джеймс! Франческа!

Услышав зов, из густой кроны могучего дерева выглянул взъерошенный мальчишка, осторожно огляделся и нырнул обратно.

– Все равно найдут, – вздохнула Фрэнни, выглядывая в крошечное окошко, из которого было видно лишь колышущуюся на ветру густую темную листву.

День выдался ясный. Свежий ветерок залетал в убежище беглецов, румянил щеки, шептал песни юности и весны. И так обидно было тратить один из солнечных дней на повседневные заботы и занятия с гувернерами. Наверняка завтра тучи вновь заволокут небо, зарядит дождь, в парке станет слякотно и... здравствуйте, унылые холодные стены древнего замка, где так легко затеряться в гулких пустынных коридорах или в комнатах с закрытой чехлами старинной мебели.

– Джеймс! Франческа! Спускайтесь, я знаю, что вы здесь, – раздался строгий голос Томаса – наставника по фехтованию и верховой езде.

Вздохнув, брат и сестра покинули убежище – за неподчинение вполне могли и выпороть.

– Виконт, вы отвратительно выглядите! – Покрытое глубокими морщинами суровое лицо Томаса выражало негодование. – Ступайте переоденьтесь и извольте явиться к столу. Леди Франческа, найдите Мэри, пусть она займется вами. За

побег вы, виконт, получите вечером десять ударов розгами.

– Но мы не слышали... – тихо прошептала Фрэнни, пытаясь защитить брата.

– Что? – Выцветшие от старости светло-голубые глаза Томаса сузились.

– Я все понял, – торопливо ответил Джеймс, сжав губы.

– В таком случае ступайте. У вас десять минут на то, чтобы привести себя в порядок и явиться в обеденный зал. К нам приехали гости...

* * *

На памяти Франчески и Джеймса это был первый случай, когда в замок их отца, Эдуарда Кавендиша, графа Сеймурского, прибыло целое семейство: Вильям и Дарлин Кавендиши и их дети – Ричард, которому уже исполнилось десять лет, и шестилетняя Анна. Гости. Событие почти чрезвычайное. До сих пор в Райли редко принимали посторонних, и уж тем более с детьми.

Семья графа, несмотря на высокий статус и богатство, жила очень уединенно. Почему? Кто знает. Однажды Джеймс слышал, как конюх и горничная говорили про какое-то проклятие. Только подробностей узнать не вышло – не помогли ни расспросы, ни библиотека. В книгах ничего не было, слуги яростно все отрицали, а отец и вовсе приказал всыпать сыну двадцать розог за упоминание семейной тайны.

Бесстрашная Фрэнни подошла с вопросом к матери, но та разрыдалась, после чего Джеймса выпороли еще раз, даже несмотря на заступничество сестры, в которой родители души не чаяли. Вызнав, где дети слышали о проклятии, граф тем же днем уволил и горничную, и конюха, а с остальными, видимо, провел беседу, потому что с тех пор никто и никогда даже не заикался о страшной тайне, довлеющей над родом Кавендишей.

Джеймс и Фрэнни много фантазировали на этот счет, но ничего определенного до сего дня так и не узнали. Тем сильнее был их интерес к гостям. Мало ли, вдруг кто-то из приезжих проговорится.

Дети понятия не имели, зачем приехал Вильям Кавендиш. Его ведь даже не назовешь родственником: семь поколений прошло с тех пор, как разошлись ветви семейного древа. Общая фамилия – вот, пожалуй, и все, что их объединяло теперь.

В обеденную залу Франческа вошла, цепляясь за руку брата. Взгляды сидящих за столом обратились к ним. Дети поздоровались и уселись на свои места. Опустили глаза, стараясь до поры не привлекать внимания.

Юного Ричарда Кавендиша посадили рядом с Фрэнни, и девочка избегала даже смотреть на него лишний раз. Ричард тоже не искал общения, но, когда детей наконец отпустили погулять, брат и сестра радостно ухватились за возможность пообщаться с гостем, удрав из-под родительской опе-

ки. Маленькая Анна осталась под присмотром слуг, а потому все благоприятствовало непринужденной беседе, точнее маленькому допросу с пристрастием.

– Правда, что твоя семья снимает дом в Гайд-Вилле и у вас там всего восемь комнат? – спросил Джеймс, стоило им лишь углубиться в парк.

– Возможно.

Ричард смотрел куда угодно, только не на своих спутников. Заметно было, что он не в восторге от навязанного общества.

Фрэнни поморщилась. Кто знает, откуда ее брат успел вывести эту информацию, но, пожалуй, знакомство не стоило начинать подобным образом.

– А зачем вы приехали в Райли? – не унимался Джеймс.

– Не знаю, – соврал гость и посмотрел в сторону, боясь выдать себя.

– А вот и врешь! – уверенно заявил Джеймс. – Ты знаешь, знаешь!

– Может, и знаю, – ответил мальчишка, не спеша ничего рассказывать.

– Так зачем? – спросила Фрэнни.

– Не скажу! Я дал слово отцу. – Дик поджал губы, всем видом выражая готовность хранить тайну и дальше.

– Ну и не надо, – разозлился Джеймс, а потом резко заявил: – Мне слуги сказали, зачем вы приехали! Твоя семья разорена, и ваш отец явился к нам просить денег!

Франческа ахнула и дернула брата за рукав, пытаясь заставить его замолчать.

— Это неправда! — вспыхнул Ричард. — Мы не за этим приехали!

— Говори теперь, — фыркнул вредный мальчишка, не обращая внимания на сестру. — Попрошайки!

— Джеймс! Не надо! — не выдержала Фрэнни.

— Надо! Он ведь поэтому и молчит, что стыдно признать-ся! — не унимался юный виконт.

— И вовсе мне не стыдно! — Дик сжал кулаки. — Вот тебе правда: ваша семья проклята, и только мой отец может помочь. Он за этим и приехал. Так что не тебе называть меня попрошайкой! Твои родители дадут нам что угодно, если мы спасем леди Франческу.

— Меня?! — испугалась девочка. — От чего вы собираетесь меня спасти?

Сообразив, что проговорился, Ричард побледнел и замолчал.

— Ну! Отвечай! — тут же потребовал Джеймс. — От чего ты собираешься спасти мою сестру?

Дик молчал, сжав губы в тонкую полоску. Его светло-голубые глаза стали как две льдинки, а густая тень от деревьев подчеркнула высокие скулы и тяжелый подбородок, придав мальчишке вид агрессивный и мрачный. Виконт выглядел не лучше. Стало ясно: еще немного, и эти двое подерутся, и тогда Джеймсу несдобровать. Фрэнни поняла, что нужно дей-

ствовать. Вздохнув, она встала между мальчишками, взяла Дика за руку и спросила, испуганно глядя на него своими большими красивыми глазами:

– От чего меня нужно спасать? Ричард, скажите нам, пожалуйста. Мы сохраним это в тайне. Я обещаю и за себя, и за брата.

Франческе, как и ее брату-близнецу Джеймсу, было всего девять лет, но она хорошо знала, насколько сокрушительно действует на взрослых ее доверчивый взгляд. Умение изображать трогательного ангела нередко помогало Фрэнни спасти брата, уговорив родителей не наказывать его за тот или иной проступок. А если этот взгляд действует на взрослых, то, может, сработает и на сверстнике?

Ричард хотел отдернуть руку, но вколотенные отцом и внушенные дядей принципы не позволили обидеть девочку. К тому же Фрэнни выглядела совсем маленькой и беззащитной – худенькая, какая-то тонкая и хрупкая, с большими темно-синими глазами на благородно-бледном, не знавшем солнца лице.

– Вам не рассказывали о проклятии? – Дик сделал вид, будто не замечает Джеймса.

– Нет, – ответила Фрэнни, заведя руку за спину и незаметно показав брату кулак, чтобы не лез.

– Я слышал эту легенду, ее многие знают... среди Кавендишей, – нехотя признался Дик. – Ваш предок, Томас, был наемником. А его младший брат Бартоломео – торговцем.

– Как раз твой предок, – не выдержал Джеймс.

– Да. Мой. – Ричард наградил его уничижительным взглядом. – И он никого не убивал. В отличие от вашего.

– Так что же случилось? – Фрэнни нервно дернула плечиком, злясь на брата-непоседу.

– В те времена в Альбии велось много войн. Прямая королевская ветвь прервалась, корону получил бастард. Желющих оспорить его права на престол нашлось много, поэтому Кэйн I, прозванный Железной Дланью Господа, часто воевал. Ну и, конечно, ценил верных людей и умелых солдат. Я читал целую книгу про его подвиги, – похвастался Ричард. – Так вот. Сначала Томас, ваш предок, получил рыцарство. Потом, расправляясь с врагами короны, стал бароном, а после ему пожаловали титул графа и замок. – Мальчик кивнул в сторону серой громады Райли. – Раньше эти места принадлежали мятежному графу Уордену, который приходился дальним родственником королевской династии и так же, как многие другие, хотел править. У него было большое войско и неприступный замок, осаждать который пришлось бы долго. И тогда король Кэйн пообещал титул и владения тому, кто сможет уничтожить мятежника. Большое войско не смогло бы подойти к замку незаметно, поэтому Томас пустился на хитрость.

– И зачем ты нам это рассказываешь? – опять вмешался Джеймс. – Про Томаса Кавендиша мы знаем лучше тебя: и как он с пятью верными ему наемниками подкараулил гра-

фа и взял его в плен, и как велел его людям открыть ворота.

– Людям? – хмыкнул Дик. – Не людям. Жене. Томас держал нож у горла ее мужа. Он велел леди открыть ворота, потом загнать в подземелье слуг и защитников замка – так, чтобы один из наемников все видел и смог засвидетельствовать это своему командиру. Потом вход в подземелье следовало закрыть на ключ и сдаться на милость победителя. Томас обещал, что в этом случае отпустит графа и его жену, даже позволит им забрать столько имущества, сколько уместится на двух лошадях. Но леди отказалась предавать своих людей – она знала, что за бунт король прикажет повесить всех: и слуг, и воинов. Тогда Томас Кавендиш на глазах у его жены перерезал графу горло, бросил тело и скрылся до того, как организовали погоню. Детей у мятежника не было – род пресекался. Люди примкнули к другому претенденту на престол. А леди Уорден бросилась с крепостной стены и разбилась.

– Я даже знаю, где она это сделала, – с гордостью в голосе сообщил Джеймс. – И что с того?

– А то, что леди была из одаренных. Умирая, она прокляла весь ваш род. Всех потомков Томаса Кавендиша. С тех пор у графов Сеймурских... – Ричард осекся и, посмотрев на Фрэнни, замолчал.

– Так что у графов Сеймурских? – спросила девочка.

– Вы учили родословную, смотрели на портреты предков... Не замечали, что в каждом поколении появлялись де-

вочки, которые погибали ровно в четырнадцать лет, зато никто из мужчин-наследников не умирал до того, как оставит потомство, причем хотя бы двух детей – девочку и мальчика? – И что из этого? – поежилась Франческа.

Дик опустил голову и теперь смотрел только на землю под своими ногами.

– Говорят, будто, умирая, сестры становятся духами-хранителями для своих братьев, – сказал он мрачно.

– Ты хочешь сказать, что Фрэн... – Джеймс испуганно замолчал.

– Да, – кивнул Ричард. – Но отец считает, будто с этим можно сладить. Артефакторы уже придумали, как бороться с личными проклятиями. С родовыми все обстоит намного хуже, но наука не стоит на месте. Мой отец тоже одаренный. Он не учился на артефактора, но много читал и иногда мастерит кристаллы, ищет новые рунные узоры. Думаю, он что-то придумал.

– Я слышала, любое проклятие можно снять, – задумчиво проговорила Фрэнни.

– Я тоже про это слышал, – ответил ей Дик. – И даже знаю, какое условие у вашего. Только пока никто не смог его выполнить.

– И какое же условие? – спросил Джеймс.

– Проклятие снимет прямой потомок Томаса Кавендиша, который пожертвует своей любовью ради долга и жизнью – во имя любви, – торжественно процитировал Ричард.

Глава 1

Потомок лавочника

12 лет спустя

Ровно в полночь под окнами особняка, принадлежащего сэру Артуру Грею, грянул траурный марш. Музыканты неспешно шли вдоль чугунной ограды, старательно выводя свои партии. Мрачно гудели трубы, звонко и зловеще грохотали тарелки, медленно и торжественно стучали барабаны.

Сэр Артур подскочил на кровати, не понимая, что происходит. От адовой музыки дребезжали окна, трясся пол и задергался в нервном тике правый глаз благородного лорда. В коридорах зазвучали испуганные голоса. На псарне завывали собаки. К ограде устремился дворецкий Картер, одетый в одно исподнее. Его ночной колпак слетел с головы и остался лежать белым пятном на ступенях парадной лестницы.

– Что происходит, черт побери?! – возмутился сэр Артур, но никто ему не ответил.

Слуги были озадачены точно так же, как и хозяин.

Приникнув к окнам ведущей в холл галереи, обитатели особняка наблюдали за происходящим. Вот Картер добежал до ворот. Оркестр замолчал. В этот момент тишина показ-

лась настоящим даром небес, но... долго она не продлилась. После краткой паузы музыканты заиграли что-то еще более зловещее и заунывное, а взволнованный дворецкий опрометью побежал обратно, забыв о своей степенности.

Сэр Артур направился в холл, желая немедленно узнать, кто посмел тревожить его ночной покой.

– Полицию! Срочно... полицию! – задыхаясь, сообщил Картер, держась за бок и силясь отдышаться.

– Кто эти люди? Чего они хотят?

– Они... говорят... – Дворецкий посмотрел на потолок, точно призывая Господа в свидетели. – Они говорят, что хоронят правосудие Альбии...

– Мерзавцы! – возмутился сэр Артур. – Наверняка это все проделки трутней из Клуба весельчаков. На прошлой неделе я приговорил пятерых из них к штрафу за нарушение общественного спокойствия. Джеймс Кавендиш обещал, что запомнит «мою любезность».

– Джеймс Кавендиш, сэр? Неужели сам граф Сеймурский? – спросил дворецкий.

– Да, он самый. – Сэр Артур потер переносицу. – Джеймс Эдвард Кавендиш, президент и основатель Клуба весельчаков. Родовитые предки этого юноши устали ворочаться в своих гробах, глядя на его художества. Свяжитесь с полицией, – приказал он, направляясь обратно в спальню, чтобы переодеться. – Хотя, думаю, музыканты скоро уберутся: они выполнили свою роль. Что ж, я знаю, кто поможет мне при-

влечь к ответственности затейников из клуба...

Повинуясь небрежному взмаху руки сэра Артура, Картер послушно направился к расположенному в переговорной кристаллу связи и вызвал полицию – необходимо было сделать заявление о происшествии.

* * *

– Ричард, зайдите ко мне, – приказал сэр Артур Грей, проходя мимо скромной конторки, доверху заваленной бумагами.

– Да, сэр.

Дик с готовностью отложил документы в сторону. С утра секретари уже натащили целую гору жалоб и прошений, при одном взгляде на которую Кавендиш-младший начинал неудержимо зевать. Должность помощника судьи никогда не была пределом его мечтаний, но выбирать не приходилось, и вот уже пару месяцев он честно пытался не засыпать, разбирая бесчисленные бумаги. Невыплата долгов, хулиганство, нарушение общественного спокойствия, мелкое воровство, дележ наследства... Нет ничего скучнее, чем проверять, в порядке ли документы, правильно ли они оформлены, все ли в наличии...

Лорд Грей, мировой судья Ландерина, столицы благословенной Альбии, приходился молодому человеку дядей по материнской линии. Из сугубо родственных соображений он

согласился взять к себе далеко не самого успешного выпускника Даргфордского университета. Ричард Кавендиш, при его весьма средних успехах в учебе и незавидных связях, едва ли мог рассчитывать на лучшее место, а возможности жить на семейные средства у него не было: годовой доход его отца не превышал шестисот кингов – этого хватало на содержание прислуги, скромный дом и сравнительно достойную жизнь, но не более того.

Вильям Кавендиш ожидал от сына грандиозных успехов и, разочарованный результатами, потребовал, чтобы непутевое чадо вернуло деньги, израсходованные на обучение. Глава семейства был весьма деспотичен и не любил неоправданные расходы, а достижения Ричарда в боксе и спортивной гребле не могли компенсировать его неумение заводить нужные связи и втираться в доверие к «правильным» людям. За время учебы Дик обрел лишь одного друга, которого Вильям Кавендиш всецело одобрял, – маркиза Алтона, сына герцога Эксетера, но, по мнению почтенного родителя, и это знакомство молодой человек не использовал так, как мог бы...

Зайдя в свой кабинет, судья придержал дверь, пропуская помощника, потом взмахом руки позволил ему занять кресло для посетителей.

– Ричард, я правильно помню, что вы учились вместе с молодым графом Сеймурским? – спросил лорд Грей, подойдя к книжным полкам и рассеянно рассматривая корешки одинаковых черных книг с золотым тиснением.

– Да... сэр, – озадаченно ответил Дик, не ожидавший подобного вопроса.

– И что вы можете о нем рассказать?

Ричард задумался, а потом медленно произнес, старательно подбирая слова:

– Он... умный и способный... один из лучших студентов... Преподаватели были им довольны, несмотря на... некоторое... легкомыслие. Увлекается фехтованием на рапирах. Дважды чемпион университета. Меткий стрелок. Очень общительный и... остроумный.

– Меня не интересуют абстрактные достоинства этого юноши, – ворчливо перебил его судья. – Я хотел бы знать, какие у вас с ним сложились отношения и поддерживаете ли вы их сейчас.

– У нас с графом... мало общего... – Дику не сразу удалось подобрать корректную замену эпитету «высокородный ублюдок». – И разные увлечения.

– Это радует, – пробурчал себе под нос лорд Грей. – Скажите, Ричард, почему вы не являетесь членом Клуба весельчаков? Насколько мне известно, туда вхожи очень многие недавние выпускники Даргфорда.

– Боюсь, у меня не самые лучшие отношения с основателем и президентом клуба...

– ...которым и является граф Сеймурский, не так ли? – продолжил за него судья. – А заодно, вероятно, вашего текущего дохода не хватит на ежегодный взнос. Но, если исклю-

читать подобные нюансы, вы бы хотели примкнуть к этим... «достойным» джентльменам?

– Боюсь, что нет, сэр. У нас с ними... разные представления о... веселье.

– Тем не менее ваш друг, маркиз Алтон, частенько проводит вечера в этом клубе.

– Простите, сэр, я не понимаю... – Ричард, которому порядком надоел странный допрос, вопросительно посмотрел на судью.

– Я бы хотел, чтобы вы с помощью маркиза Алтона стали действительным членом Клуба весельчаков.

Дик молчал, ожидая продолжения, и оно вскоре последовало:

– В последнее время выходки этих бездельников становятся все более дерзкими. Распоясавшихся повес просто необходимо призвать к порядку. И потому мне нужен свой человек в их рядах.

– Вы же понимаете, сэр, что я плохой кандидат.

Идея возобновить знакомство с Джеймсом Кавендишем, мягко говоря, не привела Ричарда в восторг.

– Другого кандидата, которому можно доверять, у меня нет. – Судья сердито посмотрел на племянника и сообщил ему: – Средства выделяю. Столько, сколько нужно. И буду оплачивать все расходы. Уверен, вы сможете договориться с маркизом насчет протекции. Президент клуба – должность, конечно, весомая, но и у нее есть ограничения, а у вас есть

друзья.

– И для чего это нужно?

– Лорд Сеймурский осторожен и ни разу не попался полиции. Как правило, он предпочитает действовать чужими руками, но, учитывая его репутацию отчаянного дуэлянта и авантюриста, готов держать пари, что так бывает не всегда. Мне нужно, Ричард, чтобы вы узнали, когда именно граф решится лично поучаствовать в выходках «весельчаков», и доложили об этом мне.

– При всем моем уважении, сэр, я не смогу вам помочь. – Дик склонил голову, чтобы дядя не заметил его возмущения.

– Гордость, – понял судья. – Гордость – это хорошо.

Сэр Артур направился к своему массивному кожаному креслу, уселся в него и скрестил руки на груди. Сухощавый, невысокий, с благородной сединой на висках, он не был похож на своего рослого молодого племянника, но глаза судьи смотрели ясно, выдавая незаурядный ум и мудрость, а лицо сохраняло неброскую мужественную привлекательность.

– Мне известно о том, что происходило между вами и графом в университете. Странно, что до дуэли дело так и не дошло. – Сэр Артур извлек из ящика стола пухлую папку. – Лорд Джеймс – далеко не образец благонравия, а к вам у него, видимо, особое отношение. – Полистав досье, судья вытащил какой-то лист и помахал им перед носом Ричарда. – К примеру, возьмем случай, когда вас чуть не отчислили из университета. Это случилось, когда граф со своими прияте-

лями пробрался в коттедж одного из преподавателей и заменил всю его одежду и обувь на женскую. Шутники выбрались через окно, и их увидел полицейский. Была погоня. Поймали только вас. Но вы в этом деле не участвовали, не так ли?

Дик не ответил, гадая, откуда дядя узнал о его невинности.

– В то время, когда «весельчаки» устраивали свою проказу, вы возвращались из «Доски и гвоздя», где играли в вист... и пили. Вам не повезло оказаться на пути у погони, но не хватило разума, чтобы заявить о собственной невинности, указав на тех, кого вы прекрасно узнали. А у «весельчаков» недоставало благородства признаться в своей вине. И если бы не университетские соревнования по боксу и ваши успехи в этом виде спорта, вас вышвырнули бы из Даргфорда с волчьим билетом, раз и навсегда перечеркнув будущее. – Сэр Артур убрал лист в папку и вытащил другой. – Или вот... – Пробежав глазами документ, он показал на шрам, пересекающий правую бровь Дика. – Этот мерзавец подбил вас на пари, что вы выстоите шесть раундов против Громилы Карла, уличного бойца с репутацией убийцы.

– Я выиграл, – сказал Дик, стараясь не смотреть на дядю.

– Да, но ваше лицо потом было больше похоже на отбивную. Как зубы целы остались – не знаю, иначе как чудом и не объяснить. Зато если бы вы проиграли, то пришлось бы сутки ходить в дамском белье и платье на потеху всему уни-

верситету... Нужно признать, шутки у графа иногда повторяются.

– Откуда вы все это знаете? – не выдержал Ричард.

– Ваша матушка совсем извелась из-за ваших... подвигов.

Пришлось мне в меру сил приглядывать за ее буйным отпрыском.

Дик вздохнул, тотчас осознав, почему на самом деле ему так здорово везло в университете.

У дяди не было своих детей. Его жена умерла при родах вместе с ребенком. Во второй раз сэр Артур так и не женился, предпочтя остаться одиноким. В детстве Ричард часто и подолгу жил с ним, дядя во многом был для него ближе отца. И хотя до последнего времени Дик полагал, что сэр Артур не принимает активного участия в его жизни, реальность, похоже, выглядела иначе.

– Граф Сеймурский – опасный и необузданный молодой человек. Поможете урезонить его – поможете правосудию. – Папка вернулась на место, а судья в упор посмотрел на Дика. – Но, если вас не убеждают мои слова, что ж... У меня есть еще один аргумент... – Сэр Артур выдержал зловещую паузу и сообщил: – Вашу сестру в последнее время часто видят в обществе этого человека.

– Ничего удивительного, – пожал плечами Ричард. – Отец спит и видит, чтобы выдать Анну замуж за графа.

– Но до сих пор лорд Джеймс не испытывал к ней ни малейшего интереса.

– Кто сказал, что это изменилось?

– Мои осведомители, – сэр Артур сжал губы, – говорят, будто граф заключил пари о том, что добьется... благосклонности вашей сестры. Вполне определенной благосклонности, как вы понимаете.

Дик выдохнул, пытаясь сохранить невозмутимость, хотя больше всего на свете хотелось немедленно найти негодяя и вызвать его на поединок чести... Но он уже знал, чем закончится такой вызов. Джеймс небрежно ухмыльнется, окинет его презрительным взглядом и процедит: «Поединок чести? Приходите, когда найдете свою честь. У потомков лавочников ее не бывает». Ударить его? Дик уже пробовал, но граф недаром стал чемпионом университета по фехтованию на рапирах. Он умел уворачиваться и всегда был готов к нападению. За время учебы Ричард пытался вызвать на поединок эту высокомерную сволочь несколько раз... с неизменно одинаковым результатом. Джеймс всегда выходил сухим из воды, выставляя недруга на посмешище.

– Я согласен, – произнес Дик.

Джеймс Эдвард Кавендиш, граф Сеймурский, не оставил ему иного выхода. И можно было только удивляться, чем именно так сильно задел высокородного лорда потомок лавочника, если даже после окончания университета вражда не утихла, а, похоже, разгорелась еще ярче.

Глава 2

Клуб весельчаков

Экипаж неожиданно ускорился. Вскрикнул шофер. По нервам стегнуло ощущение опасности, безотчетный страх захлестнул душу. Отец повернул голову и, открыв шторку, заглянул к водителю.

– Брин, все в порядке?

– Кристалл. Он сильно греется. Я обжег руку. – В голосе шофера звучала тревога.

– Останови, – приказал отец.

– Я пытаюсь, но...

Страх. Холодный, поднимающийся из самых глубин души, отдающий медью на дрожащих губах. Ужас перед неминуемой смертью – той самой, с которой каждый встречается один на один. Той самой, пред ликом которой одинаково беспомощны и нищие, и короли.

Они все были уже мертвы, но еще не понимали этого. Отец, мать, дядя...

Там, через шторку, около водительского сиденья наливалось багровое сияние кристаллического мобиля. Руническая вязь шипела змеей, впиваясь в хрустальные грани, ставшие вдруг такими хрупкими.

Смерть. Бежать.

Вот и все. Перед этим страхом нет ни чести, ни совести, ни верности. Особенно когда тебе всего девять лет.

– Фрэн!!!

Вспышка. Темнота, из которой медленно проявляется до боли знакомое лицо.

– Ты никто! Тебя нет! – Холодные голубые глаза Ричарда Кавендиша смотрели презрительно. – Ты призрак! Оставайся в своей могиле!

** * **

Джеймс открыл глаза, пытаясь выровнять дыхание.

Сон. Это всего лишь проклятый сон... В третий раз... на этой неделе.

С трудом оправившись от кошмара, граф положил руку на светоч, закрепленный на витой кованой подставке, и вскоре комнату залили неяркие желтоватые лучи. Взяв стакан с водой, молодой человек сделал несколько глотков и откинулся на подушки. Постель казалась холодной, словно могильная плита. Не выдержав, дернул за шнур, вызывая камердинера.

– Опять кошмары, сэр? – спросил старый Томас, входя в комнату хозяина.

– Да. Разожги камин. Холодно, – попросил граф, зябко кутаясь в одеяло. – Проклятый Ландерин. Здесь все время промозгло и сыро. Ненавижу этот город.

Слуга уложил дрова в камин, вытащил из кармана огне-

вик и провел пальцем по рисунку на одной из его сторон. В глубине рубинового кристалла появилась крохотная искорка. Вырезанная на прозрачной грани руна выдала направленную струйку пламени на предназначенный для растопки кусок коры.

Граф, как и его покойный отец, любил все новое и охотно заказывал себе последние разработки артефакторов. Огневики относились как раз к числу таких чудес, которые еще совсем недавно людям и не снились.

Мир сильно изменился с тех пор, как изобрели способ собирать и усиливать с помощью кристаллов энергию людей. Любых, даже тех, у кого не было никакого дара. Правильная огранка искусственно выращенного кристалла в сочетании со строго выверенным рисунком на его сторонах позволяла сделать реальностью и даже обыденностью магию из сказок. И если раньше одаренных людей боялись, называя их слугами дьявола, то теперь, когда любой мог ощутить себя волшебником, отношение изменилось. Магия превратилась в науку, а колдуны – в ученых и ремесленников.

За тридцать лет, прошедших с момента открытия, вычислили около двух десятков различных рунических рисунков, позволяющих превращать кристаллы в светильники, заменять артефактами огниво и спички, охлаждать продукты, приводить в движение экипажи, которые теперь ездили со скоростью, недоступной конным повозкам...

Будущее наступило, и Джеймс Кавендиш радостно при-

ветствовал происходящие в мире изменения, благо унаследованное им состояние и Общество артефакторов, которое он возглавлял на пару с графом Уинчестером, позволяли это делать. Жаль только, что среди волшебных средств пока не было ни одного, способного приглушить боль потери или застарелое чувство вины. Хотя и такие разработки велись. Увы, частично стирать память получалось только у детей, да и то при особых условиях.

– Быть может, мне следует принести вам снотворный порошок? – предложил слуга.

– Ни в коем случае, – нахмурился граф. – У обычного сна есть большое преимущество перед лекарственным – проще проснуться.

– И тем не менее вам просто необходимо выспаться, – посмел настаивать Томас. – В таком состоянии вы слишком возбудимы и можете совершить ошибку.

– Ты хочешь обсудить со мной что-то конкретное? – с легким недовольством в голосе спросил Джеймс.

– Если мне будет позволено... Я хотел бы поговорить о вашей затее с мисс Анной Кавендиш. – Слуга поклонился.

– О какой именно затее? – Джеймс облокотился на подушки и озадаченно посмотрел на камердинера.

– Пари. О благосклонности мисс Анны.

Граф рассмеялся. У него был на редкость мелодичный смех.

– Как быстро, однако, расходятся слухи, – сказал он. –

Смею заверить, они беспочвенны. Разумеется, не было никакого пари. Я еще не совсем сошел с ума, чтобы заключать пари на подобные вещи. Но... Ричард Кавендиш давно обо мне не слышал, так что я решил напомнить ему о себе... по старой дружбе. Пара туманных намеков здесь, пара фраз там – остальное любители салонных сплетен додумали сами.

– Не слишком ли хитрые игры вы затеваете, сэр? – спросил слуга. – Не слишком ли окольными путями идете, тратя время на подобные интриги? К чему все это?

Любого другого граф уже давно бы одернул и поставил на место. Но Томас не был обычным слугой. Наставник, защитник и доверенное лицо – старик знал о молодом хозяине больше, чем кто бы то ни было, и сполна заслужил право оспаривать его решения или давать советы.

– Прямыми путями идти слишком скучно, – ухмыльнулся Джеймс. – Представляешь, как Ричард будет беситься, ведь ему нечего мне предъявить, кроме слухов. Могу дать слово джентльмена, что никакого пари на его сестру не заключал, и ему придется извиняться. Но это так, мелочи. Детали. Есть кое-что и поувлекательней – сэр Артур, почтенный дядя Дика, нынче очень зол на меня и «весельчаков». Готов предложить пари, что уважаемый судья в самом скором времени пришлет к нам племянника. Судье нужны свои глаза и уши в нашем клубе. Осталось дожидаться, когда Ричард попросит маркиза Алтона о протекции. Я не буду возражать. У меня имеются очень интересные планы.

Томас покачал головой, явно не одобряя идею хозяина.

– Однако, – продолжил свою мысль граф, – если Дик в ближайшее время не явится, придется немного подбодрить его и сэра Артура. На следующей неделе я приглашен на прием к миссис Эйнард. Учитывая ее дружбу с миссис Кавендиш, можно не сомневаться в том, что приглашена и мисс Анна... с матушкой, разумеется. Может быть, даже с братом. Несколько улыбок, танец, беседа о погоде – и, уверен, Дик не выдержит и выставит себя на всеобщее посмешище. Миссис Эйнард окажется целиком на моей стороне: она так долго мечтала принять у себя настоящего графа! – Последние слова прозвучали слишком едко.

Слуга поклонился.

– Поймав мышь, кошка начинает с ней играть и очень часто упускает. Но воля ваша. Я могу идти, сэр?

– Да, ступай, – махнул рукой Джеймс.

В камине теперь горел огонь. Граф погасил свеч и некоторое время неподвижно сидел на кровати, глядя на пламя.

Ричард Кавендиш. Вечная заноза, засевшая слишком глубоко. Джеймс старательно пестовал в себе ненависть к своему кузену... но убивать Дика он не хотел, хотя не раз получал возможность это сделать. Несколько раз Ричард пытался бросить ему вызов, но граф отказывал, выставляя горе-дуэлянта на посмешище. Ему нравилось унижать «потомка лавочника». Он получал странное, почти болезненное удовольствие, глядя на бешенство, полыхающее в обычно холодных

голубых глазах Дика. Это хотя и ненадолго, но прогоняло кошмары, мучившие Джеймса долгие годы. Одни и те же кошмары, привыкнуть к которым было невозможно.

О своей репутации Джеймс не беспокоился. Никто не рискнул бы обвинять его в трусости: слишком уж часто молодой граф затевал дуэли и принимал вызовы, слишком презрительно он относился к смерти. Отказывает в сатисфакции – значит, не считает Ричарда Кавендиша достойным поединка. Таков был приговор молвы...

Джеймс натянул на себя одеяло, устраиваясь поудобней в кровати. Глаза начали слипаться – живой огонь согревал и успокаивал. В конце концов ему удалось заснуть, на сей раз без сновидений.

* * *

В Клубе весельчаков было, как обычно, шумно и оживленно. К шести вечера большая часть завсегдатаев оказалась в сборе. Кто-то, прихлебывая виски, с азартом резался в покер, кто-то неторопливо и обстоятельно разыгрывал партию в бильярд. В воздухе витал тяжелый запах дорогих сигар. Слуги разносили напитки. Жизнь была ключом, а условности оставались за порогом. Здесь можно было на время сбросить маски и почувствовать себя среди своих. Среди тех, кому надоела размеренная жизнь, пустая женская болтовня и строгое следование правилам хорошего тона.

Мебель и стенные панели из красного дерева, кожаные кресла, старинные портреты, приглушенное сияние светочей под золотисто-желтыми абажурами. Здесь все говорило о богатстве и высоком происхождении. Вот только поведение самих «весельчаков» было очень далеко от классических требований этикета.

В клубе затевались самые безумные выходки, призванные всколыхнуть спящий мир. Прodelки местных затейников живо обсуждались на приемах и в салонах, давали повод к новым светским сплетням. Кто-то возмущался, кто-то осуждал, а кто-то смотрел на молодых бунтарей со сдержанным восхищением. «Весельчаки» заключали очень разные и весьма экстравагантные пари. Получить из рук королевы ее перчатку. Отвезти письмо на другой конец Альбии, в Серый город, и вернуться всего за два дня. Искупаться в шампанском в компании известной своей чопорностью герцогини де Вер. Явиться на бал во фраке с отрезанными фалдами и вести себя как ни в чем не бывало...

Далеко не все выходки «весельчаков» проходили без последствий. Случались и дуэли, и аресты, но, учитывая, что членами клуба являлись в основном высокородные аристократы, многое сходило им с рук. Отказать же «весельчаку» от дома было, с одной стороны, рискованно – возмездие, как правило, не заставляло себя ждать, с другой – визит одного из самых экстравагантных джентльменов Ландерина приносил славу салону или повышал интерес к приему.

– Привет, Джеймс! – прозвучал хор из нескольких голосов, стоило графу переступить через порог и отдать слуге головной убор, трость и перчатки.

В общем зале играли в «Шляпу», закидывая в чей-то цилиндр карты с расстояния в пару шагов. Чарльз Мобри наигрывал веселую мелодию на рояле. Не видя здесь для себя ничего интересного, Джеймс перешел в просторную бильярдную с тремя столами, затянутыми зеленым сукном.

– Твой оркестр произвел впечатление на мою тетушку, – со смехом сообщил ему Фредди Райс, отвлекаясь от партии. – Она с утра клокотала от возмущения и призвала доктора Семуэlsa лечить ее расстроенные нервы. А еще объявила меня бездельником и в очередной раз попыталась женить.

– Удачно? – полюбопытствовал граф.

– Да ни за что на свете. Мне, конечно, очень даже не помешает хорошее наследство, но тетушка еще не так стара, чтобы я в ближайшее время мог всерьез на что-то рассчитывать, а раз так, то и смысла нет изображать из себя покорного племянника. Все равно рано или поздно чаша сия меня не минует, и тогда дражайшая родственница угомонится, сменив гнев на милость. Но совершенно точно произойдет это не в ближайшие несколько лет. Я не настолько на мели. Мог бы предложить вам пари о том, что прекрасно проживу вообще без женитьбы, но слишком долго придется ждать выигрыша.

Джеймс неторопливо подошел к бильярдному столу, посмотрел на расстановку шаров, одобрительно кивнул одному

из игроков, потом направился в библиотеку.

– Семь минут! – услышал он, зайдя в комнату.

В кресле у окна сидел Оливер Квинси с часами и следил за секундной стрелкой. У книжных шкафов суетился Алан Невилл, без всякого почтения снимая тяжелые тома и встряхивая их за обложки. За происходящим наблюдали еще пятеро «весельчаков», отпуская язвительные комментарии.

– Что здесь творится? – поинтересовался Джеймс.

– Пари, – ответил ему Олли. – Алу осталось семь минут на то, чтобы найти визитку клуба.

Граф оценивающе оглядел библиотеку.

– Какие ставки?

– Три к одному против Алана.

– Сотню кингов за то, что найдет.

– Проиграешь, – предупредил его Олли.

Граф пожал плечами и не ответил. Для него эта сумма была несущественной.

Чем больше времени проходило, тем сильнее суетился Алан. Он хватал книги наугад, пару раз встряхивал и ставил их куда придется. Было похоже, что у местного библиотекаря прибавится работы.

– Пять, четыре, три, два, один... Проиграл, – провозгласил Олли.

Джеймс вытащил чековую книжку, небрежно выписал нужную сумму и бросил листок на стол.

– Теперь я хочу попробовать, – сказал он. – Пари?

– Два к одному против тебя, – тут же сказал Олли. – Условия те же – нужно найти в книгах визитку клуба.

– Почему два к одному?

– Тебе слишком часто везет.

– Хорошо, – пожал плечами Джеймс. – Тогда с меня пятьсот. Чтобы было интересней.

Собравшиеся зашумели, делая ставки. Оливер собрал деньги, проверил банк. Откинул крышечку на часах, скомондовал:

– Начали!

Граф неторопливо подошел к полкам, провел взглядом по корешкам. Потом принес лестницу и ловко взобрался на нее. Он не вытаскивал книги, просто целенаправленно что-то искал.

Зрители с интересом за ним наблюдали. Никто не комментировал – слишком велико было любопытство.

Наконец Джеймс уверенно вытянул с полки один из томов. Открыл его, перелистнул несколько страниц и помахал перед приятелями темно-красной визиткой с золочеными буквами.

– Но это не та книга! – возмутился Оливер.

– По условиям нужно найти визитку клуба. Любую, а не только ту, которую спрятал именно ты, – злорадно напомнил Алан. – Кто же знал, что тут еще одна есть?

Он был рад-радешенек, потому что, желая ответить Джеймсу любезностью, поставил на него пятьдесят кингов и

благодаря этому вернул себе сотню, проигранную в предыдущем пари. Несмотря на баронский титул, Алан целиком зависел от отцовского содержания, так что эти деньги были для него совсем не лишними.

– Откуда ты узнал про визитку? – спросил Уилл Маршал, только что простившийся с двумя сотнями.

– Время от времени читаю этот роман, – пожал плечами Джеймс. – Визитка хорошо подходит в качестве закладки.

В библиотеке стало совсем тихо, а потом вся компания разразилась оглушительным хохотом.

Постучав, в комнату заглянул слуга.

– Господа, пожалуйста к столу! – пригласил он.

Все охотно направились в обеденный зал, но по дороге Джеймса перехватил маркиз Алтон. Патрик. А с ним... Граф с трудом сдержал победную улыбку, узрев на своей территории Дика Кавендиша. Ричард, как обычно в таких случаях, напоминал бойцового пса. Настороженный, напряженный – вот-вот бросится в драку. Только здесь был элитный клуб для избранных, а не притон. И правила диктовал президент, которым и был граф Сеймурский.

– Джеймс, доброго тебе вечера. – Маркиз, как обычно, лучился дружелюбием. – Я привел нового «весельчака». Во всяком случае, очень на то надеюсь. Готов выступить его поручителем. Дика тебе представлять не нужно. Уверен, ты вряд ли его забыл за время, прошедшее с нашего выпуска.

– Кажется, припоминаю, – небрежно произнес Джеймс,

скользнув взглядом по лицу Ричарда. — Но мы не слишком хорошо знакомы. У этого джентльмена вечно не было денег, чтобы участвовать в наших забавах. А что же, — обратился он к кандидату, — вы получили наследство?

— Нет. — Ричард с вызовом посмотрел на Джеймса. — Я выиграл пари.

— Тысячу кингов на вступительный взнос? — удивился граф. — Наверное, то еще было пари. Но наши ежегодные взносы составляют четыреста кингов. — Он поднял взгляд, словно пытаясь что-то вспомнить. — Если не ошибаюсь, годовой доход помощника судьи составляет половину этой суммы или около того. — Джеймс посмотрел на Патрика. — Простите, маркиз, но вряд ли тот, за кого вы поручились, способен оплачивать членство в нашем клубе. Здесь отдыхают аристократы, а не мелкие клерки или торговцы.

— И тем не менее среди нас уже есть те, кто не может себе позволить оплату ежегодных взносов. Им помогают поручители. Не так ли, Джеймс? — Улыбка Патрика стала чуть менее душевной: маркиз отлично знал, что граф помогает нескольким своим друзьям.

— Ты хочешь платить за Ричарда? — Джеймс хмыкнул. — Не могу тебе запретить. А ты у него спросил? Помнится, в университете у мистера Кавендиша были жесткие принципы на этот счет. Но, конечно, времена меняются.

— Я в состоянии самостоятельно оплачивать ежегодные взносы, — твердо ответил Дик.

Их взгляды пересеклись. Голубые глаза Ричарда были полны ярости, а Джеймс глядел насмешливо, почти презрительно. Стоя друг против друга, они напоминали ласку и молодого волка.

Граф был невысок, по-юношески строен, худощав и гибок. Он казался намного более хрупким и изящным, чем Дик, и выглядел моложе своих лет. Но те, кому довелось схлестнуться в поединке с Джеймсом, не раз убеждались, что скорость и ловкость делают его опасным противником. Длинные черные волосы графа – настоящий вызов приличиям – были убраны в хвост и скреплены старинной заколкой с бриллиантом. Причиной такому бунтарству являлось пари, заключенное Джеймсом еще в самом начале обучения в Даргфорде. По нему граф не должен был стричься вплоть до своего двадцатипятилетия. И на кону стояла очень солидная сумма. В первое время Джеймсу приходилось нерадушно: волосы лезли в глаза, мешали фехтовать... Но пари есть пари.

В противоположность кузену Ричард Кавендиш был рослым и плечистым молодым человеком. Кожа его казалась слишком загорелой по сравнению с аристократической бледностью графа, а короткие светло-русые волосы еще больше это подчеркивали. Ровная спина и осанка свидетельствовали о том, что он джентльмен, но все остальное выдавало куда более простое происхождение, в том числе сильные и слишком мускулистые руки – результат увлечения боксом и спор-

тивной греблей.

Тем не менее, когда эти двое стояли рядом, их сходство становилось заметно. Дело было в форме глаз и лица, широких скулах, узких, четко очерченных губах. Пожалуй, внешне они походили скорее на двоюродных или троюродных кузенов, чем на очень далеких родственников в седьмом поколении, которыми и являлись на самом деле. Сильная кровь Кавендишей проявилась в обоих в полной мере.

Ричард стоял с красными от ярости щеками и ушами, сжимал кулаки и молчал. Не уходил, что странно. Хотя... Граф довольно ослабился, переведя взгляд на Патрика.

– Маркиз, как вы помните, помимо финансовых вопросов и поручительства у нас есть еще испытание... – Джеймс сделал драматическую паузу. – Чтобы его пройти, Ричард Кавендиш должен будет... украсть печать мирового судьи. Скажем, сэра Артура Грея. Нужно принести ее сюда и отдать мне. Сэр Артур в последнее время не жалуется наших собратьев, а с помощью этой вещицы можно сделать много чего забавного.

– Джеймс, – маркиз нахмурился, – ты увлекаешься.

– Нисколько. Испытание – обязательная часть посвящения. Без него не обойтись. – Граф изящно взмахнул рукой. – А теперь прошу к столу. Будьте нашим гостем, мистер Кавендиш, и наслаждайтесь. В нашем клубе готовят блюда, достойные высшего общества... Наверняка вам еще не приходилось пробовать ничего подобного.

Глава 3

Идея за чашечкой чая

Четырьмя часами раньше

– Ты уверен? – удивленно спросил Патрик в ответ на просьбу Дика выступить поручителем у «весельчаков». – Мне казалось, что ты не в большом восторге от клуба и особенно от президента.

– Мне в университете тоже казалось, что ты не слишком любишь проделки в подобном стиле, – пожал плечами Ричард.

– Смотря какие, – улыбнулся маркиз, и на щеках у него появились обаятельные ямочки. – Иногда в клубе бывает довольно весело. Это сильно разнообразит жизнь после монотонных приемов, на которых так часто приходится бывать.

Приятели неторопливо прогуливались по набережной. Время близилось к двум часам пополудни, и здесь было довольно безлюдно.

Могучая и неторопливая Айзис несла свои воды через весь Ландерин, деля его на две части – северную и южную. В этот погожий апрельский день солнце то и дело выглядывало из-за белых облаков, и тогда легкая рябь на реке броса-

ла миллионы ярких бликов, слепя глаза. Солнечные зайчики плясали на стволах и пока еще голых ветвях старых платанов, растущих вдоль набережной. Легкий свежий ветер охлаждал щеки, напоминая о недавней зиме.

– Так я могу на тебя рассчитывать? – уточнил Дик, проводя заинтересованным взглядом хорошенькую юную леди, которая прогуливалась неподалеку вместе с почтенного вида дамой.

– Позволь поинтересоваться, зачем тебе это понадобилось? – В зеленых глазах маркиза промелькнула легкая настороженность.

– У меня очень много причин просить тебя об этом, но не обо всех я готов говорить.

Дик не хотел врать своему другу, но и правду сказать не мог: Патрик не стал бы ручаться за человека, который хочет попасть в клуб, желая следить за его членами или лелея планы мести. Клуб – это место, куда можно прийти отдохнуть, общество, в котором тебе удобно. Как говорили, мой клуб – моя крепость. И приводить в эту крепость опасного человека никто не стал бы даже по дружбе. С другой стороны, Ричард и сам не мог позволить себе обмануть доверие маркиза. Соглашаясь на весьма настойчивое предложение сэра Артура, он не собирался пускаться во все тяжкие, нарушая законы чести. Им двигало скорее желание быть как можно ближе к Джеймсу, не терять его из вида. Если граф за это время не смог унять свою необъяснимую ненависть, так пусть лучше

пытается вымещать ее на Дике, а не на его сестре.

Маркиз помолчал немного. Подошел к парапету, посмотрел на большую баржу, которая медленно и степенно двигалась по реке. Из закопченной трубы валил густой черный дым – использовать артефактные мобили на грузовых судах было слишком дорогим удовольствием. Проводив взглядом баржу, маркиз отошел в сторону от парапета и нарушил затянувшееся молчание:

– Ты можешь дать мне слово чести, что будешь чтить устав клуба, не предашь доверие его членов и не станешь сообщать посторонним информацию о планах и намерениях «весельчаков»?

– Да, – без раздумий ответил Дик.

Условие маркиза связывало его по рукам и ногам, но он понимал, что иного выбора нет. Придется играть с тем раскладом, который имеется. Далеко не факт, что поручительство Патрика поможет Ричарду войти в Клуб весельчаков. Джеймс не дурак, он придумает, как не допустить Дика в свое общество, если захочет. Но граф непредсказуем. Никто не знает, что придет ему в голову в тот или иной момент. Ни к чему гадать.

– В таком случае жду тебя в клубе сегодня в шесть. Не будем откладывать. Насколько мне известно, на этот вечер у Джеймса нет никаких особенных планов, значит, мы непременно его застанем.

Расставшись с приятелем, Ричард вернулся в суд: сэр Ар-

тур позволил помощнику отлучиться всего на пару часов. Разбирая бумаги, подшивая дела и составляя сопровождающие записки, Дик снова и снова возвращался в мыслях к Джеймсу Кавендишу.

Молодому графу в жизни пришлось непросто. При взрыве энергетического кристалла в экипаже погибла вся его семья, исключая его самого и дядю, который взял племянника под опеку. Наверное, в катастрофе Джеймс винил отца Дика. Ведь именно к ним в гости направлялся граф в тот злополучный день, впервые покинув замок Райли вместе со всеми своими домочадцами. Вот только Вильям Кавендиш заранее выехал домой, чтобы подготовиться к приезду именитых гостей, а потому в момент трагедии Дик с семьей уже несколько часов находился в Гайд-Вилле. Да и что они выиграли? Младший брат графа, Питер Кавендиш, выжил в катастрофе, как и Джеймс. Зато разом аннулировались все договоренности, на которые рассчитывал отец Дика. А их было немало. В случае, если бы удалось снять проклятие с Франчески, семья артефактора сразу получила бы двадцать тысяч полновесных золотых кингов, а в день совершеннолетия дочери граф согласился бы на ее брак с Ричардом, прибавив к этому в качестве приданого капитал, дающий десять тысяч кингов годового дохода. И все эти надежды развеялись по ветру с гибелью леди Кавендиш. Но Джеймса не убеждали подобные аргументы, впрочем, как до этого и его дядю, который несколько лет назад погиб в море при невыясненных

обстоятельствах. Матросы его яхты сказали, что Питер Кавендиш, скорее всего, вышел покурить на палубу, выпал за борт и утонул: море в ту ночь было очень бурное. Таким образом юный Джеймс, которому в то время исполнилось восемнадцать, стал графом и владельцем всего огромного состояния своей семьи, а Дик как был отцовским разочарованием, так им и остался.

При других условиях Ричард мог бы подружиться с Джеймсом. Граф был, в общем-то, неплохим человеком и джентльменом, насколько можно об этом судить. Другей он не предавал и выручал по мере сил из разных переделок. Был щедрым и остроумным. На дуэлях вел себя великодушно, не убивая без нужды и особого повода, при прочих равных предпочитал обезоруживать противников или выводить их из боя, нанося болезненные, но не смертельные ранения: его умения и скорость позволяли делать и то и другое. Да и с женщинами Джеймс не позволял себе ничего лишнего... до последних пор. Пожалуй, только ненависть к Дику могла заставить графа переступить через обычное пренебрежение слабым полом.

Граф считал женщин глупыми и бесполезными созданиями. Был вежлив с ними и учтив, но не более того. И потому его угроза добиться благосклонности Анны выглядела очень странно. Насколько же сильной должна оказаться ненависть, чтобы вылиться в такую форму? Дик точно знал, что ни он, ни его сестра ничем не заслужили подобного отношения, и

уж тем более теперь, после того как их с Джеймсом дороги окончательно разошлись.

Время тянулось бесконечно. Секретари и посетители словно сговорились высыпать на голову злосчастного помощника судьи целую кучу неправильно оформленных документов. Приходилось вникать в каждую бумажку, в каждую строчку. Когда большие напольные часы пробили пять вечера, Дик с радостью отложил в сторону дела, попрощался с сэром Артуром и поспешно отправился переодеваться в свою крохотную квартиру на улице Святого Джона. Не самый престижный район и очень скромный дом, но это все, что мог себе позволить Ричард Кавендиш. Молодому человеку пришлось поймать кэб, чтобы не тратить почти двадцать минут на пешую прогулку. Не бог весть как дорого, но поездка домой и в клуб – вот и стоимость скромного ужина. Дик не мог позволить себе лишние траты: большая часть его дохода уходила на погашение долга отцу.

Мать считала, что выгодная женитьба – единственный способ поправить дела сына, и старательно подыскивала ему невест. Беда заключалась в том, что Ричарда едва ли можно было назвать завидным женихом, да и кому в двадцать три года хочется думать о свадьбе? Так что перспектива поправить дела отодвигалась на неопределенное время, и приходилось крутиться в прямом смысле как белка в колесе.

Клуб находился неблизко. Времени хватило лишь на то, чтобы надеть выдавший виды костюм и единственные пер-

чатки. Джек, слуга Ричарда, опять отсутствовал, в квартире было не убрано, а выходные ботинки стояли в пыли. Дик вздохнул и взялся за щетку, твердо вознамерившись попросить мать в самое ближайшее время найти ему кого-нибудь более расторопного. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь узнал, что Ричард Кавендиш чистит обувь и убирает квартиру. Мнение света на этот счет было однозначным: джентльмен не должен заниматься подобными вещами. Приходилось соответствовать, хотя за последние несколько месяцев Дик привык обслуживать себя самостоятельно: Джек то исчезал, то напивался как свинья и в целом не отрабатывал даже свои скромные десять кингов в год. Однако так продолжаться не могло. Приняв решение сменить слугу, Ричард взял с вешалки шляпу и поспешил на улицу ловить экипаж. До встречи оставалось пятнадцать минут.

Маркиз ожидал друга у дверей и провел в клуб. Оказалось, что Дик так или иначе знает почти всех «весельчаков». С кем-то учился, с кем-то просто виделся в кабаках в пору студенчества, с кем-то заключал пари, а с кем-то встречался на ринге. «Весельчаки» на редкость дружелюбно приняли Ричарда, хотя некоторые и осуждающе косились на его потертую одежду.

– Джеймс здесь? – спросил Патрик, когда собравшиеся в общем зале и бильярдной успели поприветствовать собрата по альма-матер.

– В библиотеке, – ответил Чарльз Мобри, которого при-

существование Ричарда порадовало, пожалуй, больше всех: этот щуплый, болезненный и рассеянный парень частенько попадал в переплет, вызывая неудовольствие сверстников своей неуклюжестью, а Дик нередко его выручал. – Если понадобится еще поручительство, вы знаете, к кому обратиться. – Сказав это, он вернулся к роялю, за которым, похоже, проводил большую часть времени.

– Думаю, с Джеймсом мы договоримся, – произнес маркиз, направляясь к библиотеке. – У тебя здесь много друзей, и большинство выступит за тебя.

Но добраться до двери они не успели – граф сам вышел навстречу. Когда он увидел Дика, его глаза хищно блеснули, а на губах появилась улыбка, не предвещающая ничего хорошего.

Несмотря на то что Ричард по росту превосходил графа больше чем на голову, Джеймс ухитрился взирать на кузена свысока. Впрочем, его нападки не отличались новизной. Отчасти Дик морально приготовился к очередной порции унижений, но с графом Сеймурским сдерживаться было той еще задачей. Мелкий ублюдок ухитрился находить самые болезненные места и, балансируя на самой грани приличий, равнять собеседника с грязью.

Вопреки ожиданиям, Джеймс не стал протестовать против кандидатуры Ричарда. Он сделал хуже – выдумал испытание, которое неизбежно привело бы Дика прямоком за решетку. Украсть печать мирового судьи... Штрафом в

этом случае уже никто не отделается, а дядя даже ради справедливого возмездия «весельчакам» не согласится выступить соучастником подобной авантюры. У Ричарда мелькнула мысль о том, чтобы повернуть испытание против Джеймса, с ведома полиции передав ему украденную вещь. После этого на скамье подсудимых окажется граф Сеймурский, но... в таком случае Дикун придется распрощаться со своей репутацией.

Когда зашла речь об испытаниях, Патрик попытался заступиться за приятеля, только Джеймс был непреклонен. Он даже не подумал слушать возражения. Отпустив очередную оскорбительную остроту, президент «весельчаков» со спокойной совестью отправился обедать.

– Сколько у меня времени? – спросил Дик у маркиза, впавшего в задумчивость.

– Сколько угодно, но, Ричард, ты же не собираешься в самом деле красть печать?

– Не знаю. Мне нужно подумать.

– Не наддай глупостей! – Видя, что Ричард не спешит отказаться от своей затеи, маркиз всерьез забеспокоился за друга. – Пойдем пообедаем, а потом прогуляемся и обсудим ситуацию. Наш повар – мастер своего дела.

Дик кивнул – запахи из обеденной комнаты и впрямь шли одуряющие, а он был очень голоден, – но не хотелось терять лицо, принимая издевательское приглашение Джеймса.

– Мне нужно пройтись. Спасибо! – Ричард кивнул приятелю.

лю и весьма решительно покинул клуб, остановившись лишь для того, чтобы забрать свое старое пальто и шляпу.

Голодный желудок, растравленный вкусными запахами, изрядно бунтовал. Пришлось зайти в уличное кафе и заказать чай с небольшой булочкой. Заодно появилось время все обдумать.

Выкрасть печать из здания суда можно хоть сегодня. У Дика как у помощника судьи был запасной ключ от его кабинета. И код от сейфа молодой человек тоже знал. Но что дальше?

В кафе запорхнули три юные девушки – воздушные и очаровательные. Их звонкие голоса, словно щебет птиц поутру, всколыхнули сонную атмосферу места. Настроение Ричарда тоже немного улучшилось, особенно когда самая милая из троицы, зардевшись, бросила на него смущенно-заинтересованный взгляд. Допив чай, Дик вытащил монету, покрутил ее в пальцах, а потом, незаметно спрятав в кулаке, вытащил ее из-за уха подошедшего разносчика. Простенький фокус вызвал у девушек взрыв смеха.

Приподняв шляпу, Дик слегка поклонился прелестницам и вышел из кафе. В другое время он, возможно, и искал бы кого-то, кто представит его этим леди, но сейчас было не до того – в голову Ричарду пришла отличная идея. Оставалось только понять, где достать на нее деньги.

Глава 4

Испытание Дика Кавендиша

Джеймс не знал наверняка, что решит Дик. Но граф ничего не терял в любом случае. Если Ричард откажется от вступительного испытания, его всегда можно «подстегнуть» встречей у миссис Эйнард. А если и это не поможет, то никто не мешает заключить помолвку с Анной, заставив ее брата изрядно понервничать. Отец и мать девушки будут на седьмом небе от счастья, если им выпадет возможность породниться с Джеймсом. Это разозлит Дика. О, как же это его разозлит! При мысли о подобной каверзе на лице графа появилась мечтательная улыбка.

Видеть Ричарда Кавендиша в бешенстве – для Джеймса не было зрелища приятней. Убить его? О нет, ни в коем случае. Сейчас Дик был любимой игрушкой графа. Эти голубые глаза, полные бессильной ярости. Эти кулаки, сжатые до боли в попытке сдержаться. Эта ироничная улыбка, которая появлялась на губах Кавендиша-младшего, когда он придумывал меткий ответ, – и такое порой случалось. Сотни и тысячи оттенков эмоций, и все они были посвящены только одному человеку – Джеймсу. Нет, граф решительно не хотел убивать Ричарда. И ни за что бы не принял от него вызов. Он успеет сделать это позже, как можно позже. Когда пото-

мок лавочника ему надоест, когда Дик перестанет вызывать столько невероятно разнообразных эмоций. Но не сейчас, ни в коем случае не сейчас.

Три дня прошли довольно монотонно. Иногда Джеймс ловил себя на том, что, находясь в клубе, все время поглядывает на дверь – не идет ли Ричард. Видя маркиза, граф невольно подбирался в тайной надежде, что тот придет не один. Но Дика не было, а задавать вопрос Патрику означало выказать свою заинтересованность.

На третий день, вечером, когда Джеймс сидел в библиотеке и читал газету, к нему подошел Оливер Квинси.

– Как думаешь, он украдет печать у своего дядюшки? – спросил молодой человек, усаживаясь в кресло напротив.

– Ты про Ричарда Кавендиша? – Граф опустил газету и посмотрел на Олли.

– Да. Большая часть «весельчаков» склоняется к тому, что ты избавился от этого нищebroда раз и навсегда. Вряд ли Дик покажется здесь снова. Ты здорово придумал. – Олли слащаво улыбнулся – он любил выказывать свое особое расположение к графу Сеймурскому и часто подчеркивал их почти равный статус.

Джеймс поморщился. Он не любил подхалимов, но тут приходилось терпеть. Оливер имел титул виконта и был старшим сыном и наследником графа Уинчестера – делового партнера Джеймса по Обществу артефакторов. Общество контролировало большую часть рынка артефактов по всей

стране, и, конечно, лорду Сеймурскому не улыбалось портить отношения с компаньоном из-за его беспутного отпрыска. Да, со временем – Джеймс даже думать боялся о подобных сомнительных перспективах – Оливер мог претендовать на отцовский титул, земли и бизнес, но пока ему приходилось довольствоваться содержанием, назначенным суровым родителем. Если бы не азартность, пожалуй, денег ему бы хватало, но он являлся страстным игроком, увы, не очень-то везучим, хотя в последнее время, судя по наблюдениям Джеймса, удача улыбалась ему намного чаще обычного.

– А я думаю, что Дик к нам вернется. С печатью, – сказал граф. – Почти уверен.

– И что же? Ты позволишь ему стать одним из нас? – удивился Оливер.

– Если он явится сюда с печатью, я отправлю ее обратно сэру Артуру с сопроводительным письмом. – Джеймс встряхнул газету, расправляя ее. – Интересно, судья просто вышвырнет племянника на улицу или упечет его за решетку?

– Великолепно! – ахнул виконт. – Джемми, ты просто гений. Я в тебе не сомневался.

Граф посмотрел на Оливера задумчиво, но, ничего не сказав, вернулся к прерванному чтению.

Время близилось к ужину, когда из общего зала раздался шум. Джеймс играл на бильярде с Арчи Коллинзом и побеждал, поэтому не сразу обратил внимание на взволнованные голоса. И только когда в дверь комнаты шагнул Ричард Ка-

вендиш, граф промазал по шару, но даже не заметил этого.

– Я выполнил задание, – сказал Дик, протягивая тяжелую печать.

Отложив кий, Джеймс приблизился к Ричарду, игнорируя укоризненные взгляды маркиза, который пришел вместе с другом и явно не одобрял происходящее.

– Это именно то, о чем мы говорили? Не подделка? – Граф поднял бровь.

– Точно. Извольте убедиться. – Дик протянул Джеймсу свою добычу.

Это была она – печать мирового судьи. Не осталось никаких сомнений: герб, ленты, надпись на латыни «*Aequum et bonum est lex legum*»¹... Даже если это и подделка, то такая, расплата за которую может оказаться еще более суровой, чем за воровство. Простодушный дурак! Зачем он это сделал?!

Ничем не выдав своих чувств, Джеймс изобразил скучающую усмешку, ставя печать на край бильярдного стола.

– Испытание пройдено. Можете уплатить членский взнос. Поручителем запишем маркиза. Патрик все покажет и расскажет. Буду рад увидеть вас за ужином.

– Не сегодня, к сожалению, – покачал головой Дик. – У меня есть неотложные дела. Возможно, завтра или послезавтра я смогу воздать должное местному повару. Уверен, не пробовал ничего подобного с тех самых пор, как вы переманили сюда этого галлийца, Анри Лантье, у баронессы Сат-

¹ «Справедливость и благо – закон законов» (лат.).

тон. Помню, как сильно она сокрушалась по этому поводу, бедняжка.

Сделав шаг вперед, Ричард склонился к уху Джеймса и сообщил ему доверительно: – Но все, что ни делается, к лучшему. Вы слышали, леди Саттон посчастливилось нанять самого Дени Мерсье. Он тоже галлиец, но готовит как бог. Мне довелось сравнить творчество этих кулинаров и... – Дик весьма фамильярно похлопал Джеймса по плечу, случайно задев печать, которая при этом упала на пол. – Прошу прощения, я очень неловок, – сказал он, поднимая упавший предмет и ставя его обратно на борт стола. – Так вот, мне довелось сравнить шедевры Лантье и Мерсье. Разница такая же, как между мастером и гением. Но это ничуть не умаляет достоинства мистера Лантье. И я безмерно рад, что отныне смогу воздавать должное блюдам, приготовленным обоими поварами. А теперь прошу позволить мне откланяться. Вопрос взноса улажу при следующем визите.

Учтиво поклонившись, Дик распрощался со всеми и покинул клуб, оставив Джеймса в полном недоумении относительно происходящего.

– Я не понял, – произнес Олли. – Он просто принес печать и ушел?

Граф некоторое время смотрел на свою добычу, а потом его осенила догадка.

– Полиция! Сейчас может явиться полиция! – сообщил он, чувствуя, как его охватывает азарт от новой рискован-

ной игры. – Вряд ли у них будет ордер, но компромат нужно спрятать. Дик, если я правильно понял, сыграл с нами изрядную шутку. Постарайтесь отвлечь полицейских, а я вынесу печать через черный ход или... нет. Там тоже могут ждать... – Джеймс на мгновение задумался, а потом сообразил, что следует делать, и приказал встревоженным «весельчакам»: – Всё, идите развлекайтесь, а я – в библиотеку. Придет полиция, задержите их хотя бы на пять минут.

В библиотеке был стол с письменными принадлежностями. Джеймс запер за собой двери и, схватив лист бумаги, принялся строчить письмо сэру Артуру о ненадлежащем поведении его племянника и о том, что он, граф Сеймурский, с почтением и наилучшими пожеланиями возвращает уважаемому судье его собственность, оставляя наказание виновного на личное усмотрение сэра Артура. Теперь, если полиция и поймает Джеймса с печатью, всегда можно отговориться тем, что он собирался ее возвращать.

– Эх, Дикки, Дикки, Дикки, – пропел граф, запечатывая послание, и потом добавил: – С тобой удивительно весело иметь дело.

Когда он выглянул из библиотеки, полиция по-прежнему не появлялась. Что странно. По логике вещей представители властей уже должны были нагрянуть. Вернувшись в библиотеку, Джеймс покрутил в руках трофей и... рассмеялся. Порвав в клочки письмо судье, граф написал новое, поставил на него оттиск печати, а потом позвал слугу и велел прислать

экипаж.

— Полиция отменяется! — объявил он, выходя в общий зал, где все оживленно обсуждали происходящее. — Но мне нужно уехать! Завтра меня не ждите — приглашен на прием к миссис Эйнард. До встречи послезавтра!

Он знал, где живет Дик Кавендиш. Джеймс все про него знал. И про него, и про его семью, ведь про врагов принято знать больше, чем про друзей.

К удовольствию графа, ему не пришлось ехать на улицу Святого Джона. Стесненный в средствах Дик отправился пешком и был настигнут на полпути к дому. Велев водителю остановить экипаж, Джеймс выбрался из салона и поднял руку к шляпе, приветствуя Ричарда.

— Мистер Кавендиш, вы можете больше не беспокоиться о вступительном взносе, — произнес он, обращаясь к кузену.

— Я прошел испытание. Вы берете свои слова обратно? — Дик посмотрел на него с презрением.

— Здесь все написано. — Джеймс протянул ему конверт с письмом. — Печать оставлю себе на память. Приятного вечера.

Граф вернулся в салон экипажа и велел водителю везти его домой, в небольшой респектабельный особняк в престижном районе Сен-Клер.

Глава 5

Джейн

В начале апреля в Ландерине темнело все еще рано, и по вечерам в городе было по-прежнему неуютно и мрачно. Артефактные светочи использовались только на улицах престижных районов, в прочих же частях города довольствовались газовыми фонарями, которые далеко не всегда заряжались вовремя. Здание суда находилось по дороге к дому, так что Дик планировал сначала заглянуть туда, но каково же было его удивление, когда его нагнал зловещего вида черный роскошный экипаж, из которого вышел Джеймс. Это стало полной неожиданностью. Еще бы, гордый и высокомерный граф Сеймурский лично изволил догонять Дика Кавендиша. Ричард терялся в предположениях, а Джеймс и не думал прояснять ситуацию. Он просто вручил удивленному молодому человеку конверт и был таков, заявив на прощание, что «о вступительном взносе можно не беспокоиться». И что это значит?

Дик покрутил в руке послание, потом не выдержал и распечатал его. Прошел пару шагов к фонарю, чтобы было удобнее читать.

«Сей документ вручается Ричарду Кавендишу в знак освобождения его от уплаты пошлины за вступление в ряды мо-

их подданных.

Учитывая ваше бедственное положение, мое величество сочло возможным уплатить в казначейство Королевства дураков необходимую сумму как награду за ваше старание и слишком тяжёлые умственные усилия...»

Мимо Дика на большой скорости пронёсся ещё один экипаж. На вечерних улицах Ландерина царило непривычное оживление. Расправив лист, молодой человек вернулся к чтению:

«...Также сим указом сообщаю, что Ричарду Кавендишу присваивается наивысшее в моей стране звание Почетного круглого дурака. Носите его с честью».

Далее следовали подпись и печать.

Дик взглянул на оттиск и улыбнулся. По кругу шла надпись «Король дураков Джеймс I», а в центре находилось изображение шута.

Эта поддельная печать обошлась ему в круглую сумму. Спасибо, сэр Артур помог, правда, не догадываясь о задумке племянника, иначе дядя никогда бы такого не одобрил. Подмена была делом техники. Ричард в студенческие годы чему только не учился и чем только не занимался. Была у него знакомая из бродячего цирка – зажигательная девушка с легким характером и исключительно свободными нравами. Между более приятными занятиями она научила Дика некоторым фокусам. Эти умения выручали его и по сей день.

Настоящая печать лежала сейчас у Ричарда в кармане

пальто. По дороге домой молодой человек планировал зайти в суд и уговорить сторожа пропустить его на рабочее место – Дик понимал, что не следует носить с собой такие важные и потенциально опасные вещи. Да и зачем? Дело сделано. Все обернулось даже к лучшему. Джеймс, конечно, не удержался от колкостей, но не выказал особенного нежелания видеть кузена в рядах своих «подданных», что само по себе являлось победой. Кто знает, может, юношеская неприязнь пошла на убыль?

Не желая гадать, Дик зашел в суд. Сторож хоть и ворчал, но, получив небольшую мзду, подобрел и впустил помощника сэра Артура в здание. А там пять минут – и печать вернулась на свое место.

Время было еще не позднее, но для визитов уже не подходило. А жаль. Ричард бы не отказался зайти к родителям и хоть немного перекусить.

Дома его ждал не самый лучший сюрприз. Явился в доску пьяный Джек, который позволил себе валяться на полу в гостиной, даже не потрудившись спрятаться в собственной комнате. Споткнувшись впотьмах о его тело, Дик не выдержал, подхватил бездельника за шиворот и, надавав ему пощечин, велел выметаться. Тщетно. Камердинер оказался в той степени опьянения, когда не чувствуют боли и не слышат даже самых громких звуков. Что оставалось делать? Ричард закинул его на кровать в небольшой комнате для слуг, а сам отправился спать с твердым убеждением, что с самого утра

займется этим вопросом.

О том, что он не прогадал, потратив время на визит в суд, Дик понял сразу же, как проснулся и выглянул в гостиную. Джек оказался не так пьян, как изображал. Во всяком случае, распоряжение выметаться он выполнил, не забыв прихватить какое-то количество хозяйских вещей, в том числе два чемпионских пояса Ричарда за победу в соревнованиях по боксу. Это были единственные действительно ценные вещи Дика, и их потеря привела его в самое дурное расположение духа. Заявить бы в полицию, но... не стоит давать повод для сплетен.

День явно не задался. А ведь еще предстоял визит к родителям и далее, вечером, к миссис Эйнард – женщине богатой, но простого сословия, а потому не самых изящных манер. Ричард не был снобом, он и сам едва ли мог претендовать на благородное происхождение, но ему претили некоторые бесцеремонные и крайне бестактные замечания, которые позволяла себе хозяйка дома на таких приемах. Мать считала полезным знакомство с миссис Эйнард и думала, будто мнение этой женщины что-то значит в городе. Наивно с ее стороны. Такие, как Джеймс Кавендиш, никогда не признают равными людей, как говорится, из народа, какими бы богатыми те ни были.

– Что ж, позавтракаю у матушки, – сказал Ричард, обращаясь сам к себе. – Хорошо хоть пройдоха не добрался до бумажника под подушкой. Ну, Бог ему судья. И пусть раду-

ется, что у меня нет ни малейшего желания устраивать из-за этого круговерть с полицией.

Он умылся, оделся и пешком направился к дому, в котором родители снимали апартаменты, что называется, в сезон. С апреля до августа все хоть сколько-нибудь состоятельные семьи собирались в городе, чтобы наносить друг другу визиты, посещать приемы, блистать в опере и театрах, заключать пари на скачках, наслаждаться сплетнями и договариваться о браках. Не всякий мог себе позволить собственное жилье в Ландерине, но его аренда обходилась уже не так дорого.

Лезер-стрит, где обитали родители и сестра Дика, находилась совсем рядом, в пяти минутах ходьбы, хотя это был уже другой, более престижный, район города.

Стоило выйти из парадного, как в лицо Ричарду подул холодный ветер, заставив молодого человека поднять воротник пальто. И все же в воздухе пахло весной. В белых пушистых облаках проглядывало пронзительно голубое небо. Дик улыбнулся Мэй Уолтерс, гуляющей вместе со своей почтенной матушкой. Девушка была невысокого роста, стройная, рыжеволосая и прехорошенькая. Увидев Ричарда, она зарделась и потупила взор. А вот миссис Уолтерс глядела куда менее благосклонно. Холодно посмотрев на молодого человека, она ускорила шаг и потянула за собой дочь.

В прошлом году расторопная мать Дика пыталась договориться о помолвке сына с Мэй, но родители девушки остались непреклонны. Молодой человек показался им не самой

выгодной партией. Ричард настаивать не стал. Мэй была хороша, но не настолько, чтобы ему хотелось связывать себя узами брака. Одному проще, да и доход пока не позволял содержать семью.

Когда Дик явился к родителям, к его огромному облегчению, отца дома не оказалось. Анна выпорхнула брату навстречу и тут же, в своей торопливой манере, выдала последние новости:

– Как здорово, что ты пришел! Папу утром вызвали по делам в Керби, а матушка приболела. И, представляешь, она не сможет сегодня пойти к Эйнардам! А без тебя меня не отпустят. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Еще один неприятный сюрприз. Идти к Эйнардам без матери – заведомо обрекать себя на обязанности телохранителя при собственной сестре. Все радости приема – легкий флирт с привлекательными девушками и танцы – теперь сведутся к необходимости тенью ходить за Анной, иначе пострадает ее репутация. А пострадать она может от чего угодно: от взгляда, неловкого слова, жеста, от сплетни за спиной... Миссис Кавендиш справлялась с таким легко и непринужденно, однако у Дика не было ни ее опыта, ни ее бдительности. Он и вовсе не ходил бы на подобные приемы, но семья требовала.

Мать приняла сына полулежа на кушетке, с книгой в руке. Лицо ее казалось чрезмерно бледным, похоже, и впрямь приболела.

– Ричард... – Голос миссис Кавендиш звучал тихо. – Се-

годня мне нездоровится, а ваш отец уехал по срочному делу, вернется только завтра. Вам придется сопровождать Анну на прием к моей дорогой подруге и проследить за тем, чтобы все прошло хорошо.

— Быть может... — Дик попытался сыграть отступление, но ничего не вышло.

— Ричард! — Тихий голос обрел твердость стали. — Вы сопроводите свою сестру на прием к миссис Эйнард! И, будьте любезны, приобретите себе новый костюм! На вас смотреть страшно! Куда смотрит ваш слуга?! Этот... как его...

— Джек, мама, — покорно ответил Дик. — Он оказался изрядным прохвостом и сбежал сегодня утром.

— Какой ужас! — Мать картинно прикрыла ладонью рот. — Как только мне станет лучше, займусь вашими делами!

— Спасибо, но я сам справлюсь! — ответил Дик, стараясь, чтобы его тон казался максимально учтивым.

— Я вижу, как вы справляетесь. — Мать сверкнула глазами.

Ричард поджал губы, но ничего не ответил.

— Ступайте, я устала, — сообщила миссис Кавендиш, томяно взмахнув рукой. — Купите костюм и возвращайтесь к десяти вечера. Анна будет ждать. К миссис Эйнард, говорят, обещал заглянуть ваш кузен, граф Сеймурский. Вы не можете лишить сестру такого шанса.

Она ни на минуту не сомневалась в том, что сын беспрекословно выполнит ее волю. И не ошибалась. Правда, все решили ее последние слова. Дик знал о намерениях Джеймса

и не собирався оставлять сестру без присмотра. А в том, что Анна любой ценой попадет на прием, теперь можно было не сомневаться. Не он, так кто-нибудь из знакомых проводит ее. Уж лучше самому проследить.

Обрадованная сестренка убежала выбирать наряды и прихорашиваться, а Ричарда, наконец, пригласили на поздний завтрак: уверившись, что все будет так, как она велела, мать пришла в благодушное настроение и сменила гнев на милость.

* * *

Учтивые приветствия. Яркие светочи на стенах. Духота. Громкая музыка и шелест десятков голосов. Шорох дамских платьев. Сплетни. Неискренние улыбки и оценивающие взгляды. В мире существовало совсем немного вещей, которые Дик ненавидел больше, чем светские мероприятия. Спасибо Джеймсу. За время совместной учебы граф часто указывал Ричарду его место, и урок был накрепко усвоен. В отличие от родителей и таких людей, как миссис Эйнард и ее дражайший супруг, Дик знал, что ему категорически не подходит клубок змей, именуемый высшим светом, и совершенно об этом не жалел. Он чувствовал себя вполне комфортно на своем месте. А джентльменом можно оставаться и без титула или богатства.

Анна расточала улыбки направо и налево, кокетничала...

иногда чересчур смело, но в основном общалась с подружками. Дик уже давно был знаком со всеми этими девушками – милые воздушные создания, беззаботные, как птицы. Каждая из них худо-бедно умела музицировать, рисовать, петь, вести дом. Наверное, когда-нибудь ему придется выбрать одну из этих благонравных пташек. Но сейчас Дику с трудом представлялась картина: вот он приходит домой, отдает верхнюю одежду слуге, идет на ужин, читает газету в кресле, не обращая внимания на суетящуюся супругу и ее ничего не значащий щебет... и так до конца жизни. С ума сойти, если пытаться представить! Поэтому Ричард и предпочитал говорить: «Не сейчас!» – подобным мыслям.

Хозяйка дома лишь раз подошла к Кавендишам, перекинулась парой слов с Анной, поприветствовала Дика, посетовала на болезнь подруги и на том посчитала свой долг выполненным. К счастью. Когда на нее нападала жажда деятельности, миссис Эйнард превращалась в форменную сводню, одержимую желанием вершить чужие судьбы. Ричард, наряду с другими такими же бедолагами до сих пор не связавший себя ни узами брака, ни помолвкой, моментально превращался в одну из ее целей. И вот тогда ему приходилось очень непросто.

Взяв с подноса бокал белого вина, Дик сделал несколько глотков, не сводя глаз с сестры. Для Анны приемы и балы являлись смыслом жизни, а вот для ее старшего брата они казались сродни каторге. Одно хорошо – есть вино в доста-

точном количестве. Наверное, своего рода обезболивание.

В дверях залы появились очередные запоздавшие гости. Дик скользнул по ним взглядом и выдохнул, поняв, что Джеймса среди них по-прежнему нет. Может, передумал. Граф до сих пор высокомерно игнорировал приемы у миссис Эйнард, считая хозяев недостойными столь высокой чести.

Среди вошедших Ричард заметил даму в платье лавандового цвета, хорошо подчеркивающим фигуру, но без украшений в виде оборок и кружев. Эта кажущаяся простота была той самой, что стоит намного дороже пышных нарядов. Дик не слишком-то разбирался в дамских вопросах, но сегодняшний вечер с Анной не прошел для него бесследно – он понял, что незнакомка облачена в тот самый «последний писк моды», о котором ему только что прожужжали все уши.

Женщина ненадолго задержалась на пороге зала, позволяя себя рассмотреть, а потом весьма целеустремленно, без малейшей робости или неуверенности направилась к остальным гостям. Густая вуаль, свешиваясь с элегантной шляпки, закрывала ее лицо, оставляя открытыми лишь губы и подбородок. Не сказать, чтобы подобные головные уборы были запрещены правилами, однако считались в высшей степени эпатажными – во всяком случае, на приемах. Судя по цвету платья, дама еще недавно носила траур по кому-то из близких. Возможно, этим и объяснялась вуаль. Но экстравагантность гостьи этим не исчерпывалась – незнакомка пришла одна, без спутника. Подобное выглядело вызовом обществу

и попахивало настоящим скандалом. Тем не менее леди держалась с королевским достоинством.

Миссис Эйнард, словно крейсерский корабль, устремилась к незнакомке. Подобная вольность не могла оставить хозяйку приема безучастной, однако, перемолвившись с дамой несколькими словами, хозяйка тотчас заулыбалась и даже сочла возможным представить леди несколькими своим почетным гостям, в том числе другу мужа, полковнику Харрингтону. Это означало, что гостья смогла дать своему появлению приемлемое объяснение. Покончив с формальным общением, леди взяла с подноса слуги бокал вина и, пригубив его, покрутила головой.

Анна по-прежнему увлеченно обсуждала с подругами последние модные новинки и шляпки, и Дик получил возможность подойти поближе к загадочной незнакомке. Женщина заинтересовала его, хотя издавека сложно было определить ее возраст или сказать наверняка, хороша она или просто мила. Улыбка, которая то и дело появлялась на ее губах, показалась Ричарду приятной, и ему захотелось узнать, кто эта независимая оригиналка.

Дик немного знал полковника Харрингтона и решил попросить его об услуге. По счастью, тот оказался в добром расположении духа. Полковник охотно сообщил молодому человеку, что гостья – миссис Стэнли, юная вдова одного весьма состоятельного баронета, жившего где-то далеко, на севере от Серого города, в Дал Риаве. После гибели мужа она

выдержала долгий траур, а потом решила повидать Альбию. В Ландерине она проездом, всего на неделю, скоро возвращается домой. На приеме оказалась по приглашению графа Уинчестера, который, увы, в который уже раз не смог присутствовать лично, но посчитал возможным прислать вместо себя вдову своего дорогого друга.

Теперь все встало на места. Имя графа Уинчестера способно было открыть дверь любого дома Ландерина и всей Альбии. Неудивительно, ведь он совсем недавно возглавил палату лордов после внезапной кончины своего предшественника, маркиза Карлайла. Знай Дик об этом раньше, возможно, передумал бы знакомиться с таинственной дамой – не его полета птица, но теперь было поздно играть отступление. Пришлось идти за словоохотливым полковником, мысленно благодаря непреклонную мать, которая все же заставила сына купить новый костюм для приема.

Вскоре Ричард получил возможность увидеть вблизи заинтересовавшую его леди. Она была весьма изящного телосложения и невысокого роста.

– Миссис Стэнли, – обратился к ней Харрингтон, – позвольте представить вам Ричарда Кавендиша.

Дик вежливо поклонился.

– Очень приятно, мистер Кавендиш, – услышал он удивительно чистый голос и вдруг понял, что под вуалью скрывается совсем еще юная девушка.

Вряд ли она могла быть старше Ричарда, а скорее, даже

моложе. Но отчего ее выдали замуж так рано? Если уже сейчас она вдова, траур которой подходит к концу, то...

Убедившись, что его посредничество больше не нужно, полковник откланялся и ушел.

– Мне говорили, что вы приехали издалека, – произнес Дик, завороченно разглядывая девушку – вуаль не в силах была скрыть благородные черты лица и удивительной красоты глаза. И Ричарду вдруг показалось, что он уже видел эту леди. Но разве он мог бы ее забыть?

– Я живу на севере от Грейса. – Девушка улыбнулась.

– Серый город, – подхватил Дик. – Мне никогда не приходилось там бывать. Но говорят, он удивительно красив...

– ...В те немногочисленные дни, когда в тучах над ним проглядывает солнце, – весьма раскованно перебила его леди. – В прочее время этот город удивительно уныл и мрачен.

– То же можно сказать и про другие города, но лишь про Грейс рассказывают, будто на солнце Серый город становится серебряным.

– Это правда. Изредка такое чудо случается. И все же едва ли можно назвать наши места удивительными или хотя бы нескучными.

– Простите, миссис...

– Джейн, – остановила его девушка. – Вы можете называть меня просто Джейн.

– Джейн, – эхом повторил за ней Дик и, опомнившись, сказал: – В таком случае, я – Ричард или Дик, как вам угодно.

Джейн. Странное имя, совсем не подходящее леди. Но саму леди это нисколько не смущало, как и то, что она предложила практически незнакомому человеку называть себя по имени.

– Так о чем вы хотели спросить, Ричард? – Девушка пригубила вино, и ее алые губы, ставшие влажными, так и притягивали взгляд.

– Надолго ли вы в Ландерине? – спросил Дик, стараясь вести себя в соответствии с правилами светского этикета и не смотреть на леди слишком пристально.

– Кто знает. – Джейн пожала плечами. – Еще не решила.

– А где остановились? – вырвался у Ричарда нескромный вопрос.

– У знакомых, – уклончиво ответила леди.

Разговор зашел в тупик, но в этот момент старшая дочь мистера и миссис Эйнард села за рояль и заиграла вальс. Гости быстро освободили центр огромного зала, и Ричард решился:

– Вы подарите мне танец?

– Извольте. – Девушка слегка поклонилась корпусом, вновь нарушив этикет, но выглядело это до того естественно, что не вызвало и тени осуждения.

Дик протянул руку и не без внутреннего трепета ощутил прикосновение к ладони тонких пальцев, обтянутых кружевными перчатками. С первых же тактов он понял, что Джейн непривычны подобные увеселения. Что и понятно – сказы-

вались год или даже два траура. В самом начале девушка терялась, сбивалась с ритма и один раз даже попыталась вести, но быстро освоилась, и дело пошло на лад.

– Мне не так часто приходится танцевать, – с милой улыбкой пояснила она.

– Мне тоже, – признался Дик, вдыхая едва различимый запах духов этой странной и загадочной леди...

Верхние ноты – свежие и холодные, словно ветер в горах... У Ричарда никак не получалось угадать, что это за аромат. А вот нижние, ненавязчивые, но ощутимые, он узнал сразу: это был вереск. Горьковато-медовый печальный запах, такой неподходящий для столь юного создания, но вполне объяснимый, учитывая ее вдовство.

– Вы не любите танцы? – спросила Джейн, блеснув глазами из-под вуали, которую она так и не попыталась откинуть.

– Пожалуй, что так. А вы?

– Не знаю, что и сказать. – Девушка сжала его руку и добавила без всякого жеманства, просто как констатацию факта: – В нашей глуши вальсы танцуют редко.

– А что же танцуют в ваших краях?

– То, что танцуют в наших краях, вряд ли приличествует высшему обществу. Впрочем, и высшего общества там почти нет.

– А как вы проводите свободное время? – поинтересовался Дик, не сводя взгляда с Джейн.

– Ричард, я живу совсем в другом мире. – Улыбка стала

грустной. – И в нем почти нет места балам и танцам.

– В другом мире? Вы расскажете мне о нем? – попросил Дик, с трудом удерживаясь, чтобы не прижать девушку к себе куда сильнее, чем требует танец. Грустно-свежий запах этой живой загадки медленно, но верно сводил его с ума.

– Не думаю, что это будет уместно.

Вальс завершился, и, поклонившись друг другу, они отошли в сторону.

– Ричард, кажется, вон та юная леди пытается привлечь ваше внимание, – сказала Джейн, легким кивком показывая направление.

Дик спохватился, вспомнив об Анне. И точно – она стояла у одной из колонн. Увидев, что брат смотрит в ее сторону, девушка махнула ему рукой.

– Это моя сестра, – сказал Ричард. – Хотите, я вас познакомлю?

– Может быть, позже, – покачала головой Джейн, и в линии ее тонких губ отчетливо проступил весьма решительный характер. – Сейчас мне нужно переговорить с одним человеком.

Дику показалось, что она посмотрела в сторону Брайана Эткинса, одного из лучших ландеринских адвокатов. Не без сожаления отпустив таинственную леди, молодой человек направился к Анне.

– С кем это ты танцевал? – тут же спросила любопытная сестра, хотя было видно, что она прекрасно знает ответ на

этот вопрос.

– Джейн... Джейн Стэнли, – рассеянно ответил Ричард, не в силах опомниться от наваждения.

– И как тебе она? – Девушка лукаво посмотрела на брата. – Понравилась? Ты даже пригласил ее на танец. Я уже и не припоминаю, чтобы ты делал это сам, а не по маминой указке. Почему не привел ее сюда, ко мне? Я так надеялась, что ты нас познакомишь!

– Нельзя быть такой любопытной, – пожурил ее Дик.

– О, ну она же настоящее событие вечера! – с воодушевлением сообщила Анна, и не думая смущаться. – Ты заметил, какое на ней платье? А этот шелк? Он же... я такого даже не видела! Наверняка стоит не меньше пятидесяти кингов за рулон! А как она держится... Будто принцесса. Говорят, она хорошая знакомая графа Уинчестера. А еще говорят, будто она неслыханно богата. И вдова, между прочим. – Девушка хитро улыбнулась, глядя на брата. – А она красивая? Сколько ей лет? Ты разглядел?

– Очень много вопросов, – поднял руки Ричард. – Наверняка ты уже знаешь о Джейн больше, чем я.

– Кое-что знаю. – Анна прижала руки к груди и захлопала глазами. – Говорят, будто она родом из этих мест, но еще в детстве ее увезли на север. Там Джейн влюбилась, едва ей минуло восемнадцать. Избранник оказался богатым человеком, препятствий для брака не было. Но не прошло и месяца со дня свадьбы, как молодого супруга убили. Одни говорят

– на дуэли, другие – в драке. У них там, на севере, совсем иные нравы. Многие люди ведут себя как дикари. И бедная Джейн осталась одна. Это так печально! И вот она опять в родных краях...

– Бог мой, Анна, тебе бы в королевской службе безопасности работать! – покачал головой Дик. – Откуда ты столько знаешь?

– Миссис Тэйлор слышала, как Джейн рассказывала это миссис Эйнард.

– Вот так просто взяла и принялась рассказывать?

– Нет. Миссис Эйнард сама спросила. Сказала, что очень удивлена – такая юная девушка, а уже вдова.

Ричард поморщился. Оторвать бы язык миссис Эйнард. Удивительно, как после такого гостя вообще не покинула прием. Если то, что сказала Анна, правда... Молодой человек обвел взглядом зал, пытаясь найти Джейн, но тщетно. Лилового платья нигде не было видно. Брайан Эткинс общался с полковником Харрингтоном.

Глава 6

Роковая записка

«Отомсти за нашу семью. Это твой долг! Твой долг!» – эти слова звучали в ушах Джеймса с самого утра. Опять всю ночь графа мучили кошмары. На сей раз другие. «Отомсти за нашу семью или пусть мое проклятие падет на твою голову!»

Дядя Питер... в инвалидном кресле. Изуродованный взрывом. Без ноги, без руки, лицо в ожогах... Жалкое подобие прежнего Питера Кавендиша – красавца и любимца женщин.

«Отомсти! Ни титул, ни Райли не должны достаться недостойным. Вильям Кавендиш убил всю твою семью. Кровь родных взывает к тебе».

Невеста дяди отреклась от Питера Кавендиша, увидев жениха беспомощным, обезображенным, сломленным. Вся жизнь этого достойного человека рухнула в одночасье. И с тех пор он жил лишь для мести, пестуя и наставляя последнего из своего рода – того, кто отомстит за всех, того, со смертью которого закончится проклятье... и оборвется род. Граф хорошо знал, как погиб его дядя: уходя в море, он попрощался, отрезал прядь своих волос и вручил ее Джеймсу, попросив похоронить эти останки в семейном склепе. Питер Кавендиш не собирался возвращаться. Орудие его воз-

мездия выросло, обрело самостоятельность – и жизнь потеряла смысл. Но, святые праведники, воистину куда проще умереть, проклиная, чем мстить, воочию видя тех, кого настигает твоя кара. Как просто умереть, бросив проклятие на целый род. Как сложно самому быть проклятием для целого рода.

Джеймс отправился в университет, твердо зная, что следует делать дальше.

Сын Вильяма, Ричард, должен был умереть первым – потеря законного наследника способна погрузить в отчаяние даже самого жестокосердного отца. Дуэль. Конечно, только она. Джеймс прекрасно фехтовал и стрелял. Дядя Питер и Томас, готовя мстителя, постарались на славу. Дик ничего не мог противопоставить графу.

Анна Кавендиш. Она должна была стать следующей жертвой. Уничтожить репутацию девушки... Нет ничего проще, если выбрать это целью. Выставить на посмешище, растоптать, а потом... либо она сама лишит себя жизни, либо ей просто помочь.

Дарлин Кавендиш, урожденная Грей. Жена. Женщина, не имеющая для Вильяма особой ценности, но вполне пригодная, чтобы поставить точку. Потеря детей. Потеря репутации. Нищета. Этого достаточно, чтобы однажды выпить слишком много снотворного порошка и не проснуться. Никто не удивится. Никто не заподозрит постороннего влияния. Впрочем, а нужно ли оно будет?

Вильям. Он должен умереть последним, после оглашения всех его преступлений. На дуэли – если осмелится, от пули убийцы – если струсит. Лишь после этого Джеймс Кавендиш обретет свободу и сможет найти покой в семейном склепе.

Все было так просто. Все было так понятно. Джеймс знал имена мишеней. Джеймс знал, как, кого и когда следует убить. Только... в первый же день в Даргфорде пятерым старшим студентам не понравился мелкий, но такой высокомерный граф. Джеймса сбили с ног, и ему не поздоровилось бы, не явись на помощь Дик Кавендиш, рослый, сильный, тренированный. Он смог отстоять кузена. Один против пятерых. А потом Дик протянул руку лежащему на земле Джеймсу: «Вставай. Где ты живешь? Я помогу дойти». У Ричарда все лицо было в крови, рассечена бровь, но он хотел помочь дойти до дома никчемному перепуганному мальчишке. Джеймс струсил в тот день. В последний раз. Он до сих пор ненавидел себя за это...

Но именно в тот день план мести Питеру Кавендишу попал под угрозу. Впервые за долгие годы граф задумался: почему, вместо того чтобы вызвать на дуэль Вильяма Кавендиша, нужно убивать Дика, Анну, миссис Кавендиш? Разве недостаточно семейство графов Сеймурских потерпело бед от собственного родового проклятия, чтобы последний потомок сам стал слепым орудием, разящим всех подряд без разбору? Это была крамольная мысль. Опасная. Бунтарская. Неправильная. И расплата за нее настигла Джеймса очень

быстро – сны, кошмарные, лишаящие сил и разума.

Дядя не разбрасывался словами. Он явился с того света, лишь бы его месть могла свершиться. Каждую ночь он приходил в сны Джеймса, заставляя графа снова и снова переживать гибель семьи. Каждую ночь объяснял старинную истину: «Око за око, зуб за зуб».

Целую неделю без нормального сна. Джеймс готов был на что угодно, лишь бы прекратить это. Он почти решился вызвать Дика на дуэль. «Что делает в этих древних стенах потомок лавочника? Возможно, кто-то из благородных лордов сжалился и взял в слуги неуклюжего увальня? Знай свое место, Дик Кавендиш, эта столовая – для лордов!» Но Ричард не ответил. Посмотрел с сожалением на наглого и неблагодарного юнца, встал, взял свою тарелку и вывалил ее содержимое на голову «высокородному лорду», а потом ушел. И все смеялись над Джеймсом. Только он этого не слышал. Ему было больно, как никогда больно. Но в ту ночь дядя не пришел. И Джеймс понял, что не обязан убивать Дика. Мстительный дух довольствовался и меньшим. Пока ему хватало унижений ненавистного наследника младшей линии Кавендишей.

Граф быстро выстроил свой круг общения – нашел таких же, как он, благородных бездельников. Они с обожанием смотрели на Джеймса, который был горазд на забавные проделки и шалости. Боль постепенно утихла. И граф теперь даже получал странное удовольствие, унижая своего кузена.

Ему нравилось видеть яркие чувства в обычно спокойных и холодных глазах Дика. Вот только стоило перегнуть палку, как начинал сниться уже Ричард. И эти кошмары были порой куда страшнее.

Так Джеймс научился балансировать на узкой тропинке между светом и тьмой, между мстостью и прощением. Вся его жизнь стала сплошной попыткой танцевать над пропастью на тонкой, еле заметной нити. А потом учеба закончилась, дороги Дика и Джеймса разошлись, и вскоре оба демона решили напомнить графу о себе. Но теперь он стал старше, хитрее. Если Ричард должен вернуться в его жизнь, значит, пусть вернется на условиях Джеймса.

Ссора с мировым судьей и легкий флирт с Анной были лишь поводом заставить сэра Артура отправить племянника в Клуб весельчаков. А сложное задание – всего лишь возможностью не вызвать подозрений. Граф не сомневался, что Дик справится. Так или иначе, но справится. И тогда Ричард снова будет рядом, а Джеймсу опять придется балансировать над пропастью. Но это лучше, чем падать на острые камни.

Призраки прошлого не хотели умирать, пока жив Джеймс. Тихий шелест шагов. Звонкий смех из-за границы бытия. Еле ощутимые мягкие прикосновения рук. Граф сидел в экипаже, пытаясь обуздать панику. Фрэнни. Джеймс. Фрэнни. Как же все запуталось... Мертвые возвращались – запахом вереска, стильным ароматом водяных лилий, холодом подземелий, мелкими каплями тумана. Мертвые хотели

жить. Мертвые хотели дышать. Мертвые хотели чувствовать. Непрожитая жизнь манила нарушить запреты.

Сняв с себя трясущимися руками пальто и фрак, Джеймс поспешно вытянул из потайного кармана маленький, но острый нож – граф никогда с ним не расставался. Приготовил платок. Закатал рукав рубашки и полоснул лезвием по руке. Чистая острая боль успокаивала, подавляла страх и сомнения. Все предплечья до самого локтя были покрыты следами порезов. Но это ничего, это не страшно. Никто не увидит. Главное – обрести равновесие и не упасть. Там, внизу, в бездне под ногами, острые камни.

Потекла кровь. Джеймс некоторое время смотрел на нее, а потом прижал к ране платок. Вот так. Теперь не страшно. Немного посидеть и можно идти. Ничего не происходит. Просто тонкая нить над пропастью. Шаг, еще шаг. Сколько уже сделано этих шагов.

Когда кровь перестала идти, граф протер новый порез, убрал платок и оделся. Достал флакон мужских духов из стоящего на сиденье большого саквояжа. Вскоре по салону разлился густой аромат цитрусов, бергамота, табака. Джеймс не любил этот запах на своей коже, но проклятые водяные лилии... их аромат был намного хуже – он напоминал о той жизни, которую отняли больше двенадцати лет назад. О той жизни, которой заплатили за появление нового графа Сеймурского. Этот отчетливо женский запах напоминал о девочке, которую принесли в жертву ради мести. Он напоминал о

пролитых слезах и бессилии хоть что-то изменить.

Граф сглотнул противный комок в горле. Сделанное этим вечером было ошибкой, уступкой давно мертвой Фрэнни. А ведь она должна оставаться мертвой, до тех пор пока жив Джеймс, – так решил Питер Кавендиш, такова была его воля.

Поморщившись, граф отхлебнул виски из припасенной фляги, сглотнул противную горечь, отодвинул шторку и приказал шоферу:

– Жди неподалеку. Не знаю, когда вернусь.

Из экипажа вышел граф Сеймурский – статный, величественный, несмотря на свою юность, невысокий рост и худощавое телосложение. Его шаги были твердыми, хотя и почти бесшумными. Он никуда не спешил – на вечерние приемы с танцами сложно опоздать.

– Джеймс Эдвард Кавендиш, граф Сеймурский! – возвестил мажордом.

Глаза присутствующих словно по команде уставились на элегантно одетого юношу, стоящего в дверях зала. О других гостях не сообщали столь громогласно, но здесь хозяйка дома не смогла удержаться: о прибытии высокородного лорда следовало известить всех.

Задержавшись на положенные секунды, Джеймс милостиво и слегка небрежно улыбнулся спешащей к нему хозяйке.

– Дорогой граф, какой сюрприз, мы так польщены вашим присутствием, – щебетала эта грузная женщина в платье с уймай оборок, рюшей и прочей вычурной ерунды.

В голове Джеймса мелькнула мысль, что всю эту ткань можно было бы пустить на платья для женщин в рабочем доме. Должно хватить на пятерых, пожалуй, или шестерых. А разницу в качестве материи вряд ли кто-то заметит.

– Благодарю за приглашение, – холодно ответил граф. – У вас... мило.

Хозяин дома, выбравшийся ради такого случая из курительной комнаты, пробормотал неуклюжие приветствия, получил в ответ сдержанный кивок и сыграл отступление. Впрочем, от него никто иного и не ожидал: мистер Эйнард не слишком любил светские развлечения.

Терпеть пришлось долго. Именитые гости являлись редкостью в этом доме, и каждый хотел быть представленным графу Сеймурскому. Джеймс даже не старался изображать любезность. Эти напыщенные пустые люди ничего для него не значили. Вульгарные, честолюбивые, по большей части дурно воспитанные.

– Сегодня, кажется, была неплохая погода...

– Да.

– Но вечером из-за тумана стало слишком сыро...

– Да.

– Как вы думаете...

– Да.

– Что именно?!

– Спросите у миссис Томпсон. Вы только что повторили все ее вопросы.

Джеймс был груб и дерзок. Но ведь именно этого от него и ожидали: он – граф Сеймурский и президент Клуба весельчаков. Гости уходили совершенно очарованные и довольные, словно Джеймс отвечивал им комплименты. И только один человек в этом зале не радовался появлению высокородного лорда – Ричард Кавендиш. Он удерживал на расстоянии от графа свою глупышку-сестру, а она при этом надувала губки, словно маленькая девочка, которой не дали куклу. Что ж, в такую игру Джеймс с кузенком еще не играл, но сначала...

В курительной комнате этого дома пахло почти так же, как и в Клубе весельчаков. Тяжелый терпкий запах сигар. Правда, местный сорт был грубее, и разлитый в воздухе аромат казался Джеймсу слишком резким. Граф попросил бумагу и письменные принадлежности, а потом написал короткую записку:

«Анна, дорогая, можем ли мы с вами поговорить наедине? Дело жизни и смерти. Ваш брат ничего не должен знать. Разговор не займет много времени. Мне нужно всего несколько минут. В четверть первого я буду ждать вас под старым дубом в парке у пруда.

С искренним восхищением и надеждой, Джеймс Кавендиш, граф Сеймурский».

Все, теперь осталось лишь передать записку. Анна, как и все ее сверстницы, ищет мужа, думает только об этом. Просьба Джеймса заставит дурочку поступить опрометчиво, но ее доброе имя в безопасности, по крайней мере, пока. До-

вольно будет и намеков Дику – пусть бесится, а если еще и найдет у сестры записку... боже, как он разозлится... При мысли об этом у графа даже мурашки пробежали по позвоночнику. Как же давно он не видел Ричарда в ярости.

Оторвал лишнюю бумагу, сложил в несколько раз записку, вышел из курительной и направился к Дику с Анной. За ним уже следили. Настороженный взгляд голубых глаз кузена вновь вызвал волну мурашек. Граф презрительно ухмыльнулся, потом поклонился покрасневшей от смущения девушке.

– Мисс Кавендиш, рад видеть вас снова. Как здоровье вашей матушки? – спросил Джеймс, не обращая ни малейшего внимания на Дика.

– Сегодня ей нездоровится, но ничего серьезного. Правда, увы, не смогла прийти на этот чудесный прием.

Анна еле заметно скосила глаза на брата. Граф опустил ресницы, понимая ее намек.

– Как жаль. Непременно пришлю ей пирожные из кондитерской Клиффорда, – сказал он.

– Так мило! Матушка будет в восторге! А вы знаете, милый Джеймс, сюда приехала таинственная леди. Ее зовут Джейн Стэнли, она хорошо знакома с графом Уинчестером. Я помню, вы дружны с его сыном, быть может, эта девушка и вам известна?

– Нет, простите, не припоминаю такую, – граф покачал головой.

– Дик, ты не мог бы поискать Джейн? Уверена, нашему дорогому кузену будет интересно с ней пообщаться.

Ричард мельком посмотрел в зал, но потом перевел взгляд на сестру.

– Не думаю, что Джеймса интересует вдова баронета, приехавшая к нам из самого Грейса, – ответил он сдержанно.

– Отнюдь. Я с удовольствием познакомился бы с этой очаровательной леди, – улыбнулся граф. – Ричард, я буду очень вам признателен, если вы представите меня миссис Стэнли. Не сочтите за труд.

– Обратитесь за этим к миссис Эйнард: она выполнит вашу просьбу с большим удовольствием, чем я. – Глаза молодого человека оставались холодными, но Джеймс почти физически чувствовал его нарастающее раздражение.

– Дик! Ты явно понравился этой леди. Что тебе стоит привести ее к нам? – Анна даже ножкой топнула.

– Я обещал родителям не спускать с тебя глаз!

– И тем не менее ты не сводил глаз с Джейн все то время, что вы танцевали и разговаривали, – нахмурилась девушка. – Я махала тебе рукой, но ты даже внимания не обратил. Ну, Дик! Ну не будь таким букой! – Анна сложила молитвенно руки. – Найди, пожалуйста, Джейн!

– Хорошо, – кивнул Дик. – Пойдемте, Джеймс, поищем ее вместе. А ты, дорогая сестра, пообщайся пока с подругами.

– Охотно. – Граф поклонился Анне, а потом, когда Ричард направился в зал, уронил записку на пол, не сомневаясь, что

девушка заметит ее и прочитает.

– Я буду вам признателен, если вы оставите мою сестру в покое, – тихо проговорил Ричард, едва они отошли подальше.

– И чего ради? – так же тихо и с учтивой улыбкой ответил граф.

– Давайте начистоту, Джеймс... – Дик остановился и посмотрел в глаза кузену. – Вы ненавидите меня. Причин я не знаю, но очень сомневаюсь, что виной тому мое не самое высокое происхождение и скромный доход. Среди ваших друзей далеко не все имеют голубую кровь и бездонный кошелек – значит, проблема в чем-то ином. Если захотите рассказать о своих мотивах – я выслушаю. Нет – что ж, дело ваше. Но не вздумайте вмешивать в наши с вами отношения мою семью. Вы любите рассуждать о благородстве, так ведите себя достойно древнего рода графов Сеймурских. Заключать пари на женщин – это не то, что может себе позволить джентльмен...

– И кто вам сказал, будто я заключаю пари на женщин? – Граф удивленно приподнял бровь – все шло, как он и ожидал.

– А это не так? – сощурил глаза Дик.

– Вы что же, считаете меня подлецом и мерзавцем?

– А вы думаете, что у меня нет для этого оснований?

Оскорбление. Достаточный повод для дуэли. Бросить перчатку в лицо и вызвать. К их разговору уже давно пригляды-

вались и прислушивались десятки сплетников и сплетниц. Свидетелей много. Никто не осудит графа. А потом... один выстрел, и Ричарда больше не будет. Никогда. Джеймс не промахивается. Тонкая нить над пропастью заколыхалась. В который раз. Прекрасный повод разыграть оскорбленного и выбрать оружие. Граф сделал глубокий вдох и... рассмеялся.

– Не волнуйтесь, Ричард, – произнес он, – я не заключал никакого пари на женщин вашей семьи, равно как и на других, могу дать вам слово джентльмена... Так где же знаменитая леди, которая так впечатлила мисс Кавендиш... и вас, судя по всему? Я очень хочу на нее посмотреть. Хороша ли она собой, богата?

– Я не готов обсуждать это с вами, граф.

– А зря, потому что недавно мне подумалось, не пора ли подыскивать себе невесту. Домашнего ангелочка, знаете... Хорошенькую юную особу, чтобы разнообразить свой досуг. Пока присмотрю, потом еще пара лет помолвки, а там уже и пора жениться. Дело не быстрое. Ваша матушка недавно намекнула мне, что не будет против, если я вздумаю породниться с вашим... кхм... почтенным семейством. А вы что об этом думаете? Анна довольно мила...

– Оставьте эти игры, Джеймс. Моя сестра вам не пара. Потомки лавочника – плохая партия для благородного сословия.

– Это правда, – вздохнул Джеймс. – Однако, беря женщину в жены, мужчина поднимает ее до своего уровня. Я

могу позволить себе небольшую... благотворительность. Но готов рассмотреть другие варианты. Скажем... эту Джейн. Мне успели сообщить по секрету, что она – очень неплохая партия. Достаточно богата и знатна... для меня. И, говорят, очаровательна. А больше от женщины ничего и не требуется.

– Отлично. – Дик казался безразличным, но граф знал, что это не так. – Займитесь ее поиском сами. Уверен, у вас все получится.

Он резко отвернулся и пошел обратно к сестре, наблюдавшей за ними. Записка исчезла с пола – значит, Анна уже ее прочитала. Джеймс улыбнулся, глядя на удаляющегося Ричарда. Скупые резкие движения, напряженная спина... Слова про Джейн Стэнли заставили Дика нервничать.

* * *

Назначенное время приближалось. Беседуя с очередной юной барышней, имени которой он даже не удосужился запомнить, Джеймс видел, как Анна отошла к подружкам и затеяла с ними длинный разговор. Ее брат сначала скучал рядом с ними, время от времени пытаясь кого-то высмотреть среди танцующих и беседующих. Потом, убедившись, что сестра в безопасности, а граф Сеймурский даже не пытается к ней приближаться, Ричард отошел в сторону и продолжил поиски. Джеймс даже догадывался, кого он так рьяно ищет. Но следовало поторопиться: негоже даме ждать. Он уже на-

правился к выходу, когда его перехватила миссис Эйнард.

– Дорогой граф, куда же вы? Неужели решили нас так рано покинуть?

– Ни в коем случае. Всего лишь захотелось немного прогуляться и освежить голову.

– Но сначала вы потанцуете с мисс Анджеликой Пирс, дочерью личного секретаря самого графа Уинчестера. И не возражайте! Бедная девушка целый вечер надеялась, что вы ее пригласите. Ее отец – доверенное лицо нового лорда-канцлера!

Джеймс улыбался, привычно скрывая свои чувства. Больше всего ему хотелось сейчас выругаться. Из-за этой курицы план трещал по швам. Если Анна не заметит, что графа задержали, она пойдет на место встречи. Одна. А парк хоть и совсем рядом с домом, но не охраняется и Эйнардам не принадлежит. Время позднее. Ландерин – не самое безопасное место по ночам. Если что-то случится с его сестрой, Дик...

– Я очень рад, что на вашем приеме присутствует настолько именитый гость, – едко сказал Джеймс. – Когда в следующий раз наведаюсь к графу, постараюсь запомнить лицо его секретаря.

– О, вы можете это сделать прямо сейчас! – Щеки настырной дуры покрылись красными пятнами, но она сделала вид, что не заметила насмешки. – Вот же он! – Миссис Эйнард махнула рукой в сторону невзрачного типа лет сорока с залысинами и отчетливым брюшком, которое не в силах был

скрыть даже корсет.

Заметив, что Джеймс смотрит в его сторону, секретарь Уинчестера низко поклонился. Толпа гостей закрыла от графа беседующую с подругами Анну, и он уже не видел, ушла она или нет.

– Уверен, что смогу потанцевать с этой очаровательной леди после того, как вернусь...

– Как можно заставлять девушку ждать?! – ужаснулась миссис Эйнард.

Отказать хозяйке дома в ее настоятельной просьбе танцевать с кем-то из приглашенных дам? Это немыслимо. Такое грубое нарушение этикета уже не получится списать на низкое происхождение Эйнардов или самой девушки. Будет даже не скандал, а намного хуже. Уважение к хозяевам дома, в который ты явился, – основа основ. До определенных пределов Джеймсу было наплевать на мнение окружающих, но лишь до определенных.

– Простите, миссис Эйнард, я непременно приглашу мисс Пирс.

Гости отошли, и граф увидел, что Анны на месте уже нет. Взгляд его заметался в поисках Ричарда. Пара слов – и пусть догонит сестру, незачем ей одной ходить по темному парку. Но Дик, как назло, тоже куда-то запропастился. В душе шевельнулась надежда – может, заметил, что Анна уходит, и успел задержать? Стало немного спокойней. Наверняка заметил. Иначе где он? Джейн здесь нет, значит, Ричард дол-

жен был вернуться к сестре...

Миссис Эйнард отбуксировала графа напрямик к стайке подружек Анны, отвела одну из них в сторонку и голосом божественного вестника сообщила:

– Мисс Пирс, позвольте представить вам графа Сеймурского.

Пришлось приглашать, и танцевать, и даже делать учтивый вид, растягивая губы в почти искренних улыбках. А глазами искать Дика и молиться, чтобы он сейчас был с сестрой. Этот танец длился целую вечность. А потом еще вечность длились расшаркивания после него. И лишь избавившись наконец от докучливой дамы, Джеймс выбрался из проклятого дома.

Небо заволочло тучами. На улице тускло горели газовые фонари. Забыв про степенность, граф побежал к месту встречи. Освещение в парке оставляло желать лучшего: пара фонарей у входа и дальше по одному на сотню шагов. Пруд и старый дуб были уже совсем рядом, когда Джеймс услышал сдавленный женский крик. Вытащив свое единственное оружие – миниатюрный нож, больше подходящий для разрезания бумаги, – граф бросился вперед. Двое мерзавцев тащили прочь отчаянно сопротивляющуюся девушку.

– Отпустите ее! – Дрожащий от гнева голос Джеймса юношески звенел и звучал совсем несолидно.

Один из негодяев, устрашающего вида громила, направился к неожиданному свидетелю, доставая разбойничьего ви-

да тесак, рядом с которым оружие графа казалось простой ковырнялкой.

– Зря ты влез не в свое дело, мальчишка, – сказал хрипло разбойник, пока его сотоварищ удерживал Анну. – Придется тебя убить.

– Попробуйте, – осклабился Джеймс.

Похититель сделал выпад. Тесак разрезал воздух там, где графа больше не было. Одновременно с этим миниатюрный нож прочертил царапину на куртке нападающего, но повреждений, увы, не нанес: слишком толстым оказался слой ткани. Еще выпад. Уход с линии удара, контратака, но опять слишком короткое лезвие лишь царапнуло одежду похитителя. Джеймс быстро оценил свои возможности. Бить можно было только по рукам, ногам и шее. По ногам чуть проще, по рукам немного сложнее. С шеей почти невозможно: воротник и разница в росте делали этот вариант недоступным.

– Чего ты с ним возишься? Кончай его! – прикрикнул на сообщника тот, кто удерживал Анну.

Громила не ответил, настороженно разглядывая не в пример юркого противника. Джеймс тоже стоял, собираясь с силами для новой атаки.

Смерть. Граф кожей ощутил ее холодное дыхание у своего виска и лишь поэтому успел уклониться от неожиданно-го выпада. Он знал поступь вечности. Он слышал, когда она появлялась рядом. С того самого момента, как погибла его семья, смерть не могла подобраться к Джеймсу незаметно.

Он чуял ее, слышал, ощущал...

Еще выпад. Еще.

Так не могло продолжаться долго. У изящного и миниатюрного юноши не хватило бы сил совладать со здоровым мужчиной, поэтому он брал скоростью и ловкостью. Увернуться. Разрезать кожу на запястье нападающего. Упасть на землю. Перекатиться, украсив ногу противника порезом. Быстро вскочить. Сделать финт. Еще финт. Поднырнуть под руку с тесаком, заходя со спины, оставляя новый, пусть и неглубокий, порез на запястье.

Крошечный нож порхал в руках Джеймса. Граф быстро перекидывал его из одной руки в другую, меняя хват и ухитряясь бить под разными углами и с разных сторон. Похититель на чем свет стоит костерил неуловимого противника и почти вслепую наносил удары. Разбойник, привыкший полагаться на свою силу, не успевал даже понять, что происходит.

Ласка против медведя. Ловкость и скорость против силы.

– Хватит! Стоять! Или я убью ее! – раздалось со стороны второго похитителя.

Граф отпрыгнул в сторону и увеличил дистанцию между собой и противником. Он пытался оказаться как можно ближе к мужчине, держащему нож у горла дрожащей Анны.

– Зачем она вам? – спросил Джеймс, пытаясь отдышаться и потянуть время.

– Не твое дело. Стой, где стоишь. Шрам, ко мне иди!

– Отпустите ее и можете уходить. – Граф слегка согнул

ноги в коленях, готовый в любой момент прыгнуть.

– Она пойдет с нами, и не советую мешать. Убирайся – и останешься в живых.

Тихо ругаясь и прихрамывая, «медведь» подошел к напарнику.

– Меня зовут Джеймс Кавендиш, граф Сеймурский. Если вам хочется получить выкуп...

– Заткни пасть! – глухо рыкнул громила, потирая порезы на запястье.

Со стороны входа в парк слышались чьи-то быстрые шаги. Джеймс молился Богу, лишь бы это был Дик.

– Сюда идут. Уходим! А ты не двигайся! – Похититель потащил девушку за собой.

Громила прикрывал отход. Граф стоял в растерянности, не понимая, что делать. Ситуация полностью вышла из-под контроля, и тут Анна, то ли набравшись смелости, то ли, напротив, обезумев от страха, извернулась и укусила за руку своего обидчика. Тот вскрикнул, дернул ножом... Джеймс не сразу понял, что произошло дальше. Похититель протащил девушку еще несколько шагов, потом остановился, зачем-то схватил ее за горло и после, разразившись бранью, бросил на землю.

– Уходим!

Не обращая внимания на убегающих негодяев, Джеймс подскочил к девушке и замер, увидев кровь, все еще льющуюся из разрезанного горла. Вне себя от ужаса, он попытался

зажать рану рукой, но было поздно. Анна в последний раз вздрогнула и замерла. В глазах девушки застыло удивление, будто она так и не поняла, что с ней случилось.

– Нет, пожалуйста, нет... – шептал Джеймс, не в силах поверить в этот ужас.

Крошечный нож выпал из его руки и потерялся в сухой прошлогодней траве и листьях. Тонкие изящные пальцы графа были в крови. Он поднес их к глазам, не веря в происходящее.

– Анна?! – раздался сзади голос Ричарда Кавендиша.

Глава 7

Враги

Разговор сестры с подругами навевал сон. Джеймс находился в другом конце залы и никаких проблем не предвиделось, поэтому Дик решил поискать загадочную миссис Стэнли. Ему хотелось поговорить с ней. Быть может, набраться смелости и пригласить на второй танец, хотя это и могло вызвать пересуды. Но Джейн – вдова, и правила такое не запрещают.

Увы, девушки нигде не было видно. Пообщавшись с полковником и еще несколькими гостями, Ричард так и не смог узнать ничего нового. Никто понятия не имел, у кого она остановилась, никто не встречал ее до этого вечера.

Пришлось идти на поклон к миссис Эйнард, а та посоветовала спросить у мистера Пирса. Как оказалось, этот джентльмен работал у графа секретарем. Увы, после разговора с ним загадок стало еще больше. Мистер Пирс утверждал, что его работодатель не знаком ни с какой Джейн Стэнли и не приглашал ее на этот прием.

Дик поискал глазами сестру, но не нашел. Успокаивало то, что Джеймс танцевал в это время с какой-то другой девушкой, значит, все было под контролем. Мало ли куда могла отойти Анна. Если граф на виду, значит, за сестру можно

не волноваться, ведь так? Ричард подошел к мажордому.

— Джейн Стэнли. Дама в лиловом платье. Вы видели ее? — спросил он.

— Да. Она ушла. Уже давно, — ответил слуга.

— Одна?

— Да. Миссис Стэнли ждал экипаж.

Дик кивнул и, раздосадованный, вернулся в зал. Джейн не выходила у него из головы. Как ее теперь искать? Походил немного по залу, прислушиваясь к разговорам. Обсуждали разное, но не то, что интересовало Ричарда.

Анна по-прежнему не возвращалась, и молодой человек начал волноваться. Подошел к подругам сестры и выяснил, что она ушла на улицу подышать воздухом. В зале действительно было очень душно, только... Посмотрев на танцующих, Дик обнаружил, что и Джеймс тоже пропал. Вот это уже откровенно плохо.

Ричард вышел на крыльцо, но никого там не нашел. Распросив слугу, узнал, что Анна минут пятнадцать назад, если не больше, ушла гулять в парк, а совсем недавно за ней последовал и граф.

В происходящем сомневаться не приходилось. Оставалось лишь сделать вид, будто все в порядке, дабы случайно не породить сплетен, а потом по возможности неторопливо идти в парк, надеясь найти сестру до того, как она наделает еще больше глупостей. Дик был очень зол на кузена, но он даже представить не мог, что ждет его в конце небольшой

аллеи у самого пруда...

Ноги сами вывели его к нужному месту – к заросшему водоему с большим старым дубом у самого берега. Там на земле лежала девушка. Ее белое платье, казалось, светилось в темноте, напоминая экзотический цветок, а рядом на корточках сидел... Джеймс.

Еще толком не осознав, что происходит, Ричард бросился к сестре.

– Анна?!

Джеймс медленно встал на ноги. Невидящими глазами посмотрел на Дика. Граф не пытался бежать или что-то говорить в свое оправдание. Просто стоял и смотрел.

– Анна...

Дик приподнял сестру, встряхнул ее, пытаясь понять... Пальцы испачкались в чем-то вязком... Кровь.

– Анна!!!

Он видел, но не понимал.

Младшая сестра. Девочка, которую Ричард в детстве дергал за косы, баловал и катал на плечах... теперь лежала перед ним мертвая, широко раскрыв застывшие навеки глаза. Ее больше не было. Из горла вырвался хриплый то ли стон, то ли крик, то ли рычание. Бережно опустив тело Анны на землю, Дик бросился на Джеймса. Граф даже не попытался увернуться.

– Что ты наделал?! Что, черт тебя подери, ты наделал?!

Схватив за грудки своего вечного недруга, Ричард тряс

его, словно охотничий пес – пойманного зайца.

– Это не я... Дик... это не я... – твердил как заговоренный Джеймс.

Его губы тряслись, и казалось, будто он вот-вот расплачется. Жалкий. Тщедушный. Беззащитный... червь. Раздавить бы, но рука не поднимается. Даже сейчас.

– Убью тебя... Я убью тебя! Клянусь! Ты не откажешь мне в поединке! Больше нет! Или я все равно найду тебя и убью. Одним ударом. Как навозного жука! – Голос Дика дрожал и срывался.

Если бы Джеймс не выглядел сейчас так жалко, Ричард убил бы его на месте, но...

– Через неделю!

Куда только пропал испуганный жалкий мальчишка?

– Наша дуэль состоится ровно через неделю. – Лицо графа стало угрюмым и решительным, но на нем по-прежнему не было ни следа обычной насмешки. – Оружие выберите сами. И опустите меня на землю.

– Пистолеты, – произнес Дик, выполняя его просьбу, и отдернул руки от графа, словно от ядовитой змеи.

– Хорошо. Пришлете своего секунданта... А теперь нужно вызвать полицию. Я схожу или...

– Иди. Но не вздумай бежать!

– Мне незачем бежать... – бросил граф.

Вскоре парк наводнили полицейские. Место происшествия оцепили, по периметру поставили яркие переносные светочи – все стало видно как днем. Такие приборы и их зарядка были не по карману городскому бюджету, значит... Дик бросил взгляд на Джеймса, сидящего на скамейке у воды. Уже пытается подкупить полицию? Ричард не сомневался в том, что кузен наверняка вывернется: жизнь обычной девушки против слова графа... и его денег. Следствие закончится сегодня же. А заключение напишут самое абсурдное вплоть до самоубийства. Последнее вероятней всего, ведь Джеймс так ненавидит семью Дика. Сделать Анну самоубийцей и лишить ее даже возможности быть погребенной в освященной земле – великолепная месть сразу всей семье.

Ричард до боли сжал кулаки. Теперь ненависть стала полностью взаимной. Джеймс получит то, чего хотел все это время. Мысль о дуэли – все, за что сейчас цеплялся Дик Кавендиш. Если не человеческое правосудие, то правосудие небес. В этом мире отныне не будет места для них двоих. Кто-то должен уйти.

– Ричард Генри Кавендиш?

На скамейку рядом опустился полицейский в штатском. Коренастый мужчина лет пятидесяти с роскошными усами.

– Да. Это я, – ответил Дик.

– Инспектор Энтони Стрикленд. Вы брат Анны Оливии Кавендиш?

– Да.

– Вы присутствовали здесь в момент преступления?

– Нет.

– Вы слышали какие-нибудь подозрительные крики, когда подходили к месту?

– Нет.

– Расскажите, что вы видели...

Не в силах отделаться от мысли, что участвует в любительской постановке спектакля, Дик начал рассказывать. Но видел он не так много. Только Джеймса на коленях у тела Анны.

Инспектор слушал внимательно, иногда делал пометки в блокноте, порой задавал уточняющие вопросы. И все же наверняка ему дали команду замять дело. Ричард не верил в правосудие. Фемида слепа, и если положить на одну из чаш ее весов золотую монету, то она неизбежно перевесит.

Вопросы. Ответы. А в нескольких шагах лежала мертвая Анна. Дик никак не мог поверить в то, что его сестры больше нет. Ему хотелось встать, поднять ее на руки и отнести домой, в тепло...

– Хотите выпить? – вдруг предложил инспектор.

– Выпить? – растерялся Ричард.

– Да, у меня есть виски. Прихватил на всякий случай. Холодно. – Полицейский достал из внутреннего кармана паль-

то флягу и протянул ее Дику.

– Спасибо...

Глоток. Еще глоток. Еще. Крепкий напиток огнем опалил горло. В голове почти сразу зашумело, и чувства притупились, подернулись дымкой безразличия.

– Выпейте еще, – разрешил инспектор, – вам не помешает. И послушайтесь моего совета: идите домой и ложитесь спать. Я записал ваши показания, больше вам здесь делать нечего.

– Вы оправдаете его?

Дик выпил еще немного и посмотрел в сторону Джеймса. Граф, сгорбившись, сидел на скамье у пруда.

– Пока не знаю. Вина этого юноши не так очевидна, как вы думаете.

– Разумеется. – Ричард встал, вернул флягу инспектору. – Ведь этот юноша – граф Сеймурский.

– Идите домой, мистер Кавендиш! И выспитесь как следует. – Теперь полицейский уже не просил, а приказывал. – Очень надеюсь, что вам достанет ума не планировать самосуд или затевать дуэль. Во всяком случае, пока не опомнитесь достаточно, чтобы здраво рассуждать.

– О чем здесь рассуждать?! – вдруг вспыхнул Дик. – Джеймс ненавидит меня! Понятия не имею почему. Он просто... больной ублюдок. А теперь его болезнь превратилась в одержимость и он убил мою сестру! Не рассказывайте о его невиновности! Эта сволочь заплатит золотом, а вы со спокойной совестью объявите Анну самоубийцей или...

– Мистер Кавендиш...

– Анна не самоубийца!

Охваченный праведным негодованием Дик даже не заметил, как к ним подошел привлеченный криками Джеймс.

– Я готов поклясться в этом на Библии. – Голос графа, обычно хриловатый, теперь звенел, точно натянутая струна. – Их было двое. Не снимаю с себя вину, но, видит Бог, твою сестру убил не я.

– Граф, замолчите и вернитесь на место, мы с вами не закончили, – сурово одернул его инспектор.

– Дик, если ты считаешь меня виновным, я заплачу за это своей кровью. Но до того, клянусь, найду тех, кто убил Анну. Это уже не твое, а мое личное дело.

– Не смей произносить вслух ее имя! – зарычал Ричард, почти не сознавая, о чем говорит Джеймс. Ему было так больно, что хотелось найти виновного и перенести на него всю свою ненависть.

– Бойд! – крикнул инспектор.

На его зов подошел один из полицейских.

– Констебль, уведите отсюда этого молодого человека, – Стрикленд показал на Дика, – и проследите, чтобы он отправился домой. Нам не нужны проблемы, хватит и этого убийства.

– Мистер Кавендиш, вам лучше проследовать за мной, – вежливо, но непреклонно потребовал полицейский.

Глава 8

Комната Фрэнни

Граф вернулся домой под утро. Разбитый и подавленный. Томас с тревогой вглядывался в лицо хозяина.

– Анна Кавендиш мертва, – сказал Джеймс, расстегивая грязное порванное пальто, и бросил его прямо на пол. – Убила в парке. Ей перерезали горло. Дядя Питер оказался бы доволен... – В голосе графа звучала неприкрытая горечь.

– Сэр? – удивился старый слуга. – Вы...

– Нет, не я. Но, впрочем, какая разница? Она мертва. И еще – я принял вызов Ричарда Кавендиша. Дуэль через неделю.

– Сэр, если мне будет позволено...

– Нет, Томас, не сейчас. – Джеймс помотал головой и, пошатнувшись, ухватился за стену. От него уже разлило алкоголем. – Принеси виски... Не стакан, сразу бутылку. Я... в комнату Фрэнни. А потом... потом не тревожь меня. Мне надо... побыть одному. Если кто-то придет, скажи... что меня нет. Кто бы ни пришел. Полиция... да хоть сама королева... Меня нет.

– Сэр, кажется, в вашем состоянии еще виски... – попытался возразить Томас.

– Не смей мне указывать! – заорал на него Джеймс непри-

вычно высоким девичьим голосом. — Выполняй!

— Да, сэр, — сдался слуга.

Получив бутылку, граф, пошатываясь, поднялся по лестнице на второй этаж, а оттуда по застекленной галерее перешел в боковой флигель. Там, среди гостевых комнат, находилась неприметного вида кладовка. В ней на стеллажах лежали аккумулирующие кристаллы, с помощью которых артефакты, например те же светочи, могли работать автономно, в отсутствие человека. Само по себе это тянуло на настоящую сокровищницу: один такой кристалл стоил около пяти кингов — половину годового дохода обычного слуги. Поэтому никого не удивляло, что комната всегда заперта на ключ. Войти сюда могли либо Томас, либо Джеймс.

В стену между стеллажей был намертво вмурован чугунный держатель для лампы. Но им почти никогда не пользовались — коридорного освещения вполне хватало, да и что делать в этой кладовой?.. На первый взгляд. Зайдя внутрь, Джеймс зажег маленький ручной светоч, запер дверь, а потом потянул за держатель. Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открыв вход в небольшую комнату без окон.

Здесь все было темно-фиолетовым, почти черным: пол, обои, потолок, письменный стол, небольшая кушетка в углу и платяной шкаф. И лишь огромное зеркало напротив входа тускло мерцало за счет отраженных лучей. Заперев за собой дверь, граф положил светоч на подставку и подключил к нему аккумулирующий кристалл. Поставил бутылку на стол.

Сам подошел к зеркалу и долго всматривался в отражение, потом вздохнул, набираясь сил, и снял заколку с волос. Тяжелые темные пряди рассыпались по плечам. словно по волшебству, юноша стал похож на... девушку. Право слово, Дик Кавендиш очень бы удивился, увидев Джеймса в эту минуту.

Мертвые возвращались. Мертвые хотели дышать. Мертвые хотели снова жить.

С какой-то странной брезгливостью граф снял и отшвырнул в угол фрак. Без специальных накладок его плечи стали совсем узкими, а фигура – откровенно девичьей. Посмотрев на себя еще немного, Джеймс подошел к шкафу и распахнул дверцы – там висели женские платья и сорочки. Граф развязал шейный платок, растянул рубашку. Под плотной белой тканью оказались бинты, стягивающие... грудь. Они не давали дышать, наполняли все тело глухой болью. Десять лет... целых десять лет, почти не снимая... С тех самых пор, как фигура девочки начала становиться женской.

«Ты больше не Фрэнни. Ты Джеймс. Фрэнни умерла. Женщина не сможет отомстить за родных. Женщины глупы и беззащитны, их удел – замужество. А ты будешь Джеймсом Кавендишем. Ты научишься быть мужчиной».

Одежда полетела на пол. Теперь в зеркале отражалась обнаженная девушка. Хрупкие плечи, маленькая грудь, тонкая талия, стройные ноги и длинные черные волосы, стыдливо прикрывающие тело почти до пояса.

Франческа Гвиневра Кавендиш, умершая двенадцать лет

назад. Она научилась быть мужчиной. Ей помогли. И не только дядя, не только Томас...

Девушка обхватила себя руками.

Темно-фиолетовые стены, отражавшиеся в зеркале, казались порталами в неведомые миры. Их глубокий цвет завораживал, притягивал взгляд, звал шагнуть вперед и вырваться из склепа, в котором жила Франческа. Кто знает, что ее ждет за чертой, но вряд ли там хуже, чем здесь.

Фрэнни хотела плакать. Фрэнни... не Джеймс. Джеймс никогда не плакал – он мужчина. Но сейчас это была лишь жалкая сломленная Фрэнни.

Девушка подошла к шкафу и накинула на себя легкий шелковый пеньюар, а потом вернулась к зеркалу. Подошла ближе.

– Ты доволен... – сказала она, глядя на свое отражение.

Словно отвечая ей, зеркальный двойник плавно изменился. Теперь на Фрэнни смотрел Джеймс. Чуть выше ростом, заметно шире в плечах, с отчетливо мужским лицом и длинными волосами, скрепленными старинной заколкой. Он выросл вместе с сестрой, всегда находясь рядом с ней, словно и не умер двенадцать лет назад, когда по нелепой случайности проклятие забрало его жизнь, оставив неприкаянную душу в качестве хранителя... для сестры.

– Спорим, что отец Дика – просто шарлатан? И вообще, нет никакого проклятия! Все это дурацкие сказки-страшилки! Такие, как рассказывает Томас, если выпьет вина! Только такой увалень, как Дик, мог поверить в глупые байки!

Джеймс вместе с Фрэнни смотрел из окна детской вслед отъезжающей карете с дальними родственниками.

– Он хочет получить деньги за то, что ты останешься в живых! Но ты и так не умрешь... если, конечно, не выпрыгнешь из окна или не пойдешь плавать в море, когда там шторм. – Мальчик не унимался, видя, как испугал Фрэнни рассказ Дика. – А спорим... Вот, придумал! – Джеймс аж подпрыгнул от возбуждения. – Родители велели нам собираться. Давай поменяемся одеждой? Если этот дядя Вильям такой могущественный артефактор, то он сразу заметит, что ты – это я, а я – это ты. А если нет, то он шарлатан. А Дик – вообще дурак! И тогда тебе не придется потом выходить за него замуж, как обещал отец.

– Я думаю, родители сразу заметят подмену, – задумчиво ответила Фрэнни, поглаживая больную руку: сегодня днем она умудрилась чем-то сильно порезаться. Доктор Хартман обработал рану и туго перебинтовал, но теперь кожа под повязкой зудела.

— Да никто не заметит! Сейчас все так торопятся, что на нас и не посмотрят, а в экипаже темно. Да и мы совсем одинаковые. И волосы даже... теперь... — Джеймс довольно захихикал. — А ты еще расстраивалась, когда я неделю назад тебе их случайно подпалил.

— Не ври! Ты специально это сделал! — Девочка фыркнула.
— Даже если и специально, то все равно здорово! Теперь такую шутку можно провернуть! Ну что, согласна?

Фрэнни наморщила лоб, а потом кивнула. Ей очень хотелось верить в то, что никакого проклятия не существует, дядя Вильям — лжец, а Дик ошибается.

* * *

Джеймс в зеркале не улыбнулся. В его синих глазах читался упрек. Но почему? Ведь сестра отомстила за него. Пусть чужими руками и сама того не желая, но отомстила...

Глядя на брата, Фрэнни вдруг поняла, что с радостью поменялась бы местами с Анной. Она привыкла быть мертвой, привыкла жить чужой жизнью и порой даже не понимала, сколько в ней осталось от настоящей Франчески и как много забрал себе Джеймс. Но пути назад не было. Если кто-то узнает, что граф Сеймурский — женщина, ее на всю жизнь запрут в Гримсби, замке-тюрьме для благородных. Оттуда почти никто не возвращается, это просто казнь, растянутая до бесконечности.

А ведь сегодня Фрэнни впервые была счастлива. Сегодня она дышала. Разговаривала. Прикасалась к живым людям. Танцевала... Сегодня она взяла и сбежала, нарушив правила.

– Я хочу быть собой, – прошептала она, обращаясь к брату, – понимаешь? Я хочу быть собой! Дик тебя не убивал. И Анна не убивала. А их отец... Если это он, то почему дядя Питер не обвинил его? Почему не добился, чтобы его повесили, если это он? А если нет, то за что мстить этим людям?!

Джеймс не ответил. Он никогда не отвечал ей. Вот и сейчас лишь осуждающе покачал головой. У него было свое мнение, но он не спешил им делиться.

* * *

За шторкой, около водительского сиденья, наливалось багровое сияние кристаллического мобиля. Руническая вязь шипела, впиваясь в хрустальные грани, ставшие вдруг такими хрупкими.

Страх. Липкий страх сжал горло своими ледяными руками.

Они все уже были мертвы. В экипаж заглянула смерть. Бежать! Быстрее бежать! Куда угодно!

Только тело отказывалось двигаться. Тело замерло в ужасе перед неотвратимым. А потом дверь экипажа открылась, и в темный салон хлынул рассеянный дневной свет.

Томас. Старый слуга, ехавший рядом с водителем, бес-

страшно выбрался на подножку и добрался до пассажиров. За его спиной мелькали деревья: скорость была невероятная. Прыгать на такой – настоящее самоубийство. И все-таки Томаса это не остановило. Он схватил сидевшую у двери девочку за шиворот и, прижав к себе, бросился с подножки за несколько мгновений до страшного взрыва.

– Фрэн!!! – отчаянно закричал Джеймс, уходя в вечность.

Томас спасал наследника рода, а спас бесполезную девочку, которая ради шутки поменялась одеждой с братом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.